Детская книга

Автор:
Борис Акунин

Детская книга

Борис Акунин

ЖанрыДетская книга #1

29 сентября 2006 года Ластик Фандорин угодил в историю. Юный Ластик – самый маленький в шестом лицейском классе мальчик – призван совершить неслыханный подвиг: отправиться в прошлое через «хронодыру». На всем белом свете только Ластик способен исправить то, что натворил во время крестовых походов его дальний предок – Рыцарь Тео фон Дорн…

Совместно с автором мы подготовили специальную версию для пользователей iPad, с иллюстрациями дополняющими содержание книги. Вы можете купить иллюстрированную версию книги (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4575350&lfrom=201227127)

Борис Акунин

Детская книга

Сегодня

Обыкновенный необыкновенный мальчик

Жил-был на свете, а если точнее, в столице Российской Федерации городе Москве, один мальчик, а если точнее, ученик шестого класса по прозвищу Ластик. И вот однажды, а если точнее, 29 сентября прошлого года, этот мальчик угодил в историю.

Точность здесь совершенно необходима, потому что без нее эта повесть будет восприниматься как сказка. А между тем, все описываемые в ней события произошли на самом деле. И, может быть, даже не один раз.

Мальчик, о котором пойдет речь, на первый взгляд был самый обыкновенный. Именно что «на первый взгляд», ведь обыкновенных людей на свете, как известно, не бывает. Всякий человек кажется обыкновенным, только если к нему не присматриваться. А присмотришься как следует – обязательно скажешь: ничего себе «обыкновенный».

Вот и Ластик, если бы кто-нибудь из одноклассников вздумал к нему как следует приглядеться, оказался бы очень даже необыкновенным. Просто никому из его одноклассников это в голову не приходило. Во-первых, Ластик был в классе самым маленьким по росту. Во-вторых, на зубах у него были металлические брэкеты. В-третьих, он плохо успевал по математике, а школа, в которой он учился, называлась «Лицей с естественно-математическим уклоном». Главное же, Ластик пришел в класс самым последним, когда все давно успели подружиться, и новый друг, да еще такого маленького роста и с кривыми зубами, был уже никому не нужен.

В оправдание Ластика можно сказать, что он просто еще не успел как следует вырасти – родители отдали его в школу на год раньше положенного возраста. Так что если сравнивать его с пятиклассниками, он получился бы не очень-то и маленький, а вполне среднего роста. И по математическим дисциплинам он плелся в хвосте не из-за тупости, а потому что до позапрошлого года учился совсем в другом лицее, где уклон был, наоборот, историко-литературный. Это мама захотела, чтобы Ластик обучался точным наукам, потому что будущее за ними, а математика – настоящая мужская профессия. Папа пробовал спорить, говорил, что он вот гуманитарий и ничего, но с мамой долго не поспоришь. Она сказала: «Вот именно. Хочешь, чтоб из твоего сына тоже получилось ничего?»

И поэтому, когда семья переехала на улицу Солянку, Ластика отдали в новый лицей. А его сестру Гелю оставили в прежнем, ведь она девочка и ей настоящая мужская профессия ни к чему. Девочкам, как замечал Ластик, на свете вообще живется гораздо легче.

Теперь пора объяснить про кличку «Ластик». Она возникла не из-за того, что наш герой был маленький. И не из-за того, что он был какой-нибудь квадратный или, там, очень упругий, а из-за имени.

Оно уж точно было необыкновенное: Эраст. По-домашнему Эрастик. Когда он пришел в новую школу, все, конечно, спросили: как тебя зовут. А у него тогда еще не было передних зубов (они попозже выросли, хоть, как уже говорилось, и не совсем прямо), вот и получилось «Эластик». Все засмеялись, закричали «ластик, ластик-лобастик». С тех пор он и превратился в Ластика. Его теперь даже дома так называли. Мама говорила, что это хорошее, ласковое прозвище. Только папа продолжал звать сына «Эрастом». Он хотел, чтобы сын, когда вырастет, сделался похож на своего знаменитого прадеда Эраста Петровича Фандорина, портрет которого висел в папином кабинете на самом почетном месте.

Прадедушка у Ластика был великий сыщик, про которого писали книжки и даже снимали кино. Он смотрел с картины на правнука прищуренным взглядом, будто хотел ему сообщить нечто очень важное, но знал, что пока еще рано, надо подождать. Эраст Петрович был очень красивый: в мундире с золотыми нашивками, с тонкими черными усиками, с элегантной проседью на висках. Ластик твердо знал, что никогда таким не станет, но папе об этом не говорил – не хотел расстраивать.

Хорошо было сестре Гельке. От нее никто не ждал, что она вырастет и станет героем. И геометрия с алгеброй не портили ей кровь шесть раз в неделю. Она жила, как сыр в масле каталась. Мужских качеств мама в ней не воспитывала, волю закалять не требовала. А папа, тот вообще ее только по головке гладил и называл своей красавицей.

Преимущество перед счастливицей-сестрой у шестиклассника Фандорина было только одно: по утрам ее будили на полчаса раньше, потому что до старого лицея после переезда ехать было далеко, и папа отвозил туда Гелю на машине.

Гелька, конечно, нарочно топала ногами и громко разговаривала, но Ластик накрывал голову подушкой, и в эти полчаса ему спалось слаще всего.

Так было и сегодня, 29 сентября.

Завтракал он вдвоем с мамой, потому что мама работала газетным редактором и могла приезжать на работу, когда захочет.

Этот день, наверное, самый важный в истории человечества, начался обыкновенно. Ластик пил чай, мама ему говорила: «Ешь, не лови ворон», «Не стучи ложкой», «Не сутулься».

Потом, как всегда, сказала: «Не смей есть в школьном буфете эти ужасные сосиски», и дала сверток с полезными и питательными бутербродами (нежирная колбаса, заменитель масла, листья салата).

В прихожей Ластик по привычке оскалил перед зеркалом свои хромкобальтовые брэкеты – проверил, не стали ли зубы хоть чуть-чуть прямее. В последнее время, из-за некой особы с соседней парты, этот вопрос приобрел особую актуальность. Потом надел красную спортивную куртку, взял портфель и сбежал по лестнице во двор.

Тут обыкновенность раз и навсегда закончилась. В течение какой-нибудь четверти часа с Ластиком случилось сначала два совершенно непонятных происшествия, а после еще три, хоть и не загадочных, но очень странных.

Сначала два совершенно непонятных происшествия

Ну, первое происшествие, может, было никаким не происшествием, а так, померещилось. Однако во имя уже упомянутой точности умолчать о нем было бы неправильно.

Стало быть, выбежал Ластик из подъезда во двор своего дома…

Нет, сначала нужно рассказать про дом и про двор, а то будет непонятно.

Дом, куда в позапрошлом году переехала семья Фандориных, был в своем роде замечательный. Почти сто лет назад его построило «Варваринское товарищество домовладельцев» на старинной улице Солянке. Это был, собственно, не дом, а целый комплекс зданий, соединенных в сложную геометрическую фигуру, с несколькими внутренними дворами, многочисленными арками, подворотнями и глубоченными подвалами. Хоть Ластик жил здесь уже почти два года, но так эту громаду толком и не исследовал. Полазил по чердакам, побегал по лестницам с ажурными перилами, а до подвалов, например, так и не добрался. Правда, попасть в них было трудновато, даже совсем невозможно. Въезд в подвал (да-да, не вход, а самый настоящий въезд – такой он был высокий и широкий) закрывала решетка. Папа рассказывал, что сто лет назад в Варваринских погребах находились торговые склады, после революции – тюрьма, потом автобаза, но вот уже много лет подземелье пустует, потому что ему никак не могут придумать полезного применения.

Папа у Ластика очень любил историю и про то, что было раньше, знал почти всё. Про то, что происходит сегодня, он знал гораздо меньше – во всяком случае, так утверждала мама. Поэтому у него и бизнес не клеился.

В соседнем подъезде, на пятом этаже, располагался офис папиной фирмы. Вся фирма – два человека: сам папа и секретарша. Сидят, с утра до вечера в компьютер играют, потому что клиентов нет. А ведь именно из-за папиной работы Фандорины и переехали сюда, на Солянку. И потом, папа говорил, что это самое лучшее место во всей Москве – вокруг сплошные достопримечательности и нераскрытые исторические тайны.

Ну так вот.

Выбежал Ластик из подъезда во двор своего замечательного дома, по привычке повертел головой влево-вправо. Слева за решеткой чернел квадратной пастью уже упомянутый въезд в подвалы, справа серела подворотня, тоже квадратная.

И там, в подворотне, Ластик вдруг увидел силуэт, показавшийся ему очень знакомым. Какой-то мальчик стоял там, в густой тени, и, прислонившись к стене, смотрел в эту сторону.

Так ведь это я, это мое отражение, понял вдруг Ластик. Вон и куртка красного цвета!

Но какое в подворотне может быть отражение? Там ни зеркала, ни витрины, ничего.

Ластик зажмурился, потому что если зажмуриться, а после разожмуриться обратно, видно гораздо лучше.

Но когда он снова открыл глаза, двойник исчез. Осталась одна пустая подворотня.

Это называется «зрительная галлюцинация», сказал себе Ластик – когда видишь то, чего на самом деле нет. И обрадовался, потому что галлюцинаций у него отродясь не бывало.

Он решил, что поразмыслит над загадочным явлением после, во время урока, а сейчас некогда – в школу опоздаешь.

Но к подворотне двинулся осторожно, пытаясь сообразить, как мог возникнуть подобный оптический обман. Встал прямо напротив прохода. Потом попятился назад, к запертой решетке. Присел на корточки. Галлюцинации больше не увидел.

Зато кое-что услышал.

Тихий, но вполне явственный голос откуда-то позвал:

– Эраст! Эра-аст! Сюда!

Сначала Ластик, конечно, задрал голову и посмотрел вверх, на окна папиного офиса (окна их квартиры во двор не выходили). Но там, на пятом этаже, были опущены жалюзи. Да и голос раздавался явно не сверху, а скорее снизу и при этом сзади.

– Эраст! Эра-аст! Сюда! – послышалось вновь.

Из-за решетки, из черного зева подвала – вот откуда звал Ластика странный, придушенный голос.

«А это уже слуховая галлюцинация», подумал шестиклассник, подошел к самой решетке и стал смотреть в широкое жерло подвала – папа говорил, что когда-то туда въезжали огромные повозки с бочками и тюками.

Погреба раскинулись на тысячи квадратных метров, подо всем многоподъездным комплексом. Там имелись залы, галереи, большие и маленькие комнаты – так рассказывал папа, а уж он-то знает. Не раз Ластик стоял здесь, у входа в подземелье, воображая, сколько всего чудесного и страшного должно таиться в этом лабиринте. Но попасть вниз было невозможно: на двери висел крепкий замок – специально для того, чтобы внутрь не лазили дети.

– Эраст, Эраст, сюда! – вдруг услышал Ластик, и так отчетливо, что это никак не могло быть галлюцинацией.

Что за фокусы?

Он прижался к железным прутьям, и дверь вдруг подалась под тяжестью его тела. Испугавшись, он отпрыгнул назад. Опустил глаза – и увидел, что замка нет! Створка слегка покачивалась, будто приглашая распахнуть ее и войти.

Ластиком овладели два противоположных чувства. Первое щекотало грудь изнутри, стискивало сердце и подначивало: «Иди, иди туда, другого такого случая не будет!» Второе же рассыпало по спине ледяные мурашки и пискнуло: «Не вздумай! Что еще за голос такой? Беги, пока цел!»

Оглянувшись, нет ли кого во дворе, Ластик проскользнул за решетку и прикрыл за собой дверь.

– Эраст, Эраст, сюда! – позвала темнота. Было страшно, но и любопытно.

Он пробежал по покатому асфальтовому спуску и, оказавшись под сводом погреба, остановился.

Свет с улицы проникал вглубь подвала метров на десять, дальше же было совсем темно.

Ластик заколебался. Не хватало еще опоздать на первый урок. С преподавателем геометрии Михал Михалычем шутки плохи.

Он уж совсем собрался повернуть назад, но тут услышал опять, теперь совсем близко:

– Эраст, Эраст, сюда!

И так не захотелось идти дальше! Повернуться бы и кинуться из этого нехорошего места наутек. Ну их, эти тайны и необъяснимые явления.

Еще пару месяцев назад он сбежал бы. Но летом, во время каникул, Ластик решил, что будет укреплять волю и развивать храбрость. Дело продвигалось трудно. Однажды (дело было на даче) попробовал досидеть до полуночи на кладбище, но когда над головой страшно заухала птица, не выдержал – убежал. Пришлось идти во второй раз. Потом заставил себя прыгать с вышки, головой вниз. С трехметровой спрыгнул, а с пятиметровой так и не сумел. Проторчал наверху битый час. Дождался, когда рядом никого не будет, и слез. До сих пор стыдно.

Так вот, чтоб потом не было стыдно, Ластик и заставил себя пойти дальше, навстречу зовущему голосу. Сделал шаг. Потом еще, еще, еще.

Сделалось совсем темно. Сзади ослепительно белел, манил к себе квадрат выхода.

А впереди вдруг блеснули две зеленые искорки. Кошка? Или крыса? К кошкам Ластик был равнодушен, а вот крыс ужасно не любил.

В подземелье стало тихо. Никто больше шестиклассника Фандорина не звал.

Глаза немножко привыкли к мраку, разглядели впереди что-то большое, прямоугольное.

Десять шагов вперед – и хорош, сказал себе Ластик. Это будет по-честному.

Набрал побольше воздуха, обхватил себя за ребра, чтоб поменьше стучало сердце, и отсчитал шаги: раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять-десять.

Остановился. По-прежнему тихо. Прямоугольное, большое оказалось старым кузовом от грузовика – только и всего.

– Кто тут? – спросил Ластик слегка подрагивающим голосом.

Никакого ответа.

Ну и пожалуйста, подумал он с облегчением. Не хотите отзываться – не надо, а мне в школу пора.

Повернулся и поскорей двинулся к выходу.

Что же это был за голос? Может, просто сквозняк дул: с-с-с, с-с-с, а ему померещилось: «Эрас-сст, сссюда»? Если, когда вернется из школы, решетка все еще будет незаперта, надо взять фонарик и забраться снова…

Он аккуратно прикрыл дверь, чтобы отсутствие замка не бросалось в глаза, и быстро зашагал в сторону улицы, не догадываясь, что главные потрясения этого утра впереди.

Еще три происшествия, хоть и не загадочных, но очень странных

Чтобы попасть на Солянку, нужно было пройти подворотней. Но оказалось, что сделать это совсем не просто. Проход предназначался исключительно для пешеходов – посередине арки из асфальта торчал железный столбик, не дававший машинам заехать во двор. И вот к этому столбику кто-то привязал огромную немецкую овчарку. Судя по рычанию и вздыбленной шерсти овчарке это очень не нравилось. Дергая длинный поводок, она металась от стены к стене. Задрала голову, истерично залаяла – под сводом заметалось гулкое эхо.

Неожиданное препятствие оказалось исключительно некстати. Экспедиция в подвал заняла не так мало времени. Теперь нужно было торопиться, чтобы не опоздать в школу, а тут здрасьте вам. Ластик мог пройти кружным путем, через другие дворы, а потом переулком, но это лишних минут пять, и тогда к звонку точно не успеть.

Ластик завертел головой во все стороны – нет ли хозяина овчарки. Во дворе было пусто. Виданое ли дело? Привязали в проходе этакого змей горыныча и ушли!

Шестиклассник прижался к самой стене, попробовал протиснуться мимо собаки.

Псина зарычала, натянув поводок, приподнялась на задние лапы, и стало ясно, что не протиснешься – достанет и оттяпает полруки или полноги. Ластик тоже показал ей свою хромкобальтовую дужку на зубах и сказал «р-р-р», но большого впечатления не произвел.

Рассусоливать было некогда, проблему требовалось решить, и как можно быстрее.

Ластик достал сверток с маминими полезными бутербродами. Отломил кусок – кинул через овчарку, справа от столбика.

Собака кинулась, вмиг проглотила колбасу, но вместо благодарности оглянулась на Ластика и зарычала еще свирепей. Вот вредная тварь!

Шестиклассник переместился к противоположной стене, кинул другой кусок. В один прыжок овчарка подлетела к нему, сожрала.

Ластик сделал шаг вперед – чудище с лаем кинулось к нему. Он попятился, одновременно перемещаясь вправо. Пока всё шло по плану.

Достал второй бутерброд, отломил половинку, перекинул через пса. Тот подпрыгнул, не достал и бросился подбирать.

Снова переместившись к левой стене, Ластик швырнул последний кусок, который тоже был незамедлительно сожран. Но гнева на милость собака не

сменила. Стоило Ластику сделать шажок вперед – и злюка опять метнулась к нему с разинутой пастью.

Однако сделав два круга справа налево, овчарка дважды обмотала поводок вокруг столбика, и теперь Ластик сумел, прижавшись к стене, проскользнуть мимо. Пес рвал ремешок, давился лаем и чуть не задохнулся от ярости, но помешать не мог – только слюной обрызгал.

Показав обманутому разбойнику язык, шестиклассник быстро зашагал по улице. Операция «Полезная колбаса» заняла не больше минуты. А бутербродов Ластику было не жалко, школьные сосиски с картофельным пюре ему нравились гораздо больше.

Свернув в Подколокольный переулок, он перешел на рысцу. До звонка оставалось всего семь минут.

На углу Малого Ивановского переулка, привалившись спиной к водосточной трубе, сидел бомж. Надо сказать, что бездомных, вконец спившихся оборванцев в этих местах водилось немало. Папа говорил, что их тянет сюда, на Хитровку, запах прошлого. Сто лет назад здесь был самый жуткий в Москве трущобный район. В дешевых ночлежках и притонах жили тысячи бродяг, воров, нищих. Даже полиция опасалась заглядывать на Хитровку после наступления темноты. По мнению папы, нынешние бомжи, облюбовавшие этот микрорайон, были законными преемниками старинного племени «хитрованцев», о которых написано столько романов, повестей и рассказов.

«Законный преемник», вытянувший ноги поперек тротуара, был из бомжей самого последнего разбора. Грязный, опухший от пьянства, одетый в кошмарное рванье, он что-то клянчил заплетающимся языком у женщины с хозяйственной сумкой. Та послушала-послушала и возмущенно отмахнулась:

– Ишь чего захотел! Ну нахал!

И пошла дальше, качая головой. Тут с бомжом поровнялся Ластик.

– Пацанок, выручи! – просипел тот.

– У меня денег нет, и еще я в школу опаздываю, – скороговоркой ответил шестиклассник.

– Да есть деньги, вот, – показал пьяница две мятые бумажки. – Загибаюсь я. Помоги, а?

– Вам плохо? – остановился Ластик. – Вызвать «скорую помощь»?

Если человеку плохо, это ведь важней, чем опоздать на урок. Даже если на геометрию.

– Плохо мне, пацанок. Совсем кранты. Трубы горят. – Бомж похлопал себя по груди.

– Что?

– До улицы дополз и сдох – ноги не идут. Если сейчас не приму – всё, карачун. Палатку на углу знаешь? Слетай, а? Мне не дойти. Возьми чекушку. Помру я без нее.

– Чего взять? – не понял Ластик.

– Живой воды. Ну, водяры. Вот деньги. Только не кинь больного человека, не удери, а?

Лишь теперь до Ластика дошло.

– Да что вы, дяденька! Мне водку не продадут, я маленький. Вы кого-нибудь взрослого попросите.

– А ты скажи: «Тетя Люсьен, Миха доходит». Люська даст, она баба добрая. Выручи, малый. Ей-богу, подыхаю.

Папа бы его пожалел, сходил, подумал Ластик. Вот мама, та сказала бы как отрезала: «Туда тебе и дорога. Подыхай, алкаш несчастный». Сказать бы сказала, только потом, наверное, тоже сходила бы. Мама на словах суровей, чем на деле.

До палатки на углу было недалеко, метров двести. Если бегом, минуты за три можно обернуться.

– Ладно, давайте. Портфель только постерегите.

Нарочно портфель оставил – чтоб бомж за свои деньги не переживал.

Понесся вверх по Малому Ивановскому.

Суровая продавщица выслушала пароль. Заругалась:

– Вот гад, уже малолеток за водкой гоняет.

Но дала-таки маленькую бутылку. Видно, тоже, как мама: сердитая больше на словах.

Одним махом Ластик добежал до угла.

Только никакого Михи там не увидел.

Портфель лежал, а бомжа не было. Чудеса, да и только! Две минуты назад не мог с тротуара подняться, и на тебе – как сквозь землю провалился. И разыскивать его некогда. Куда же девать его «чекушку»?

На переменке сбегаю, отдам, решил Ластик и сунул бутылку в портфель.

Припустил по переулку со всех ног. Уже ясно было, что к звонку не успеет, но это еще полбеды. Ровно в 8.35 к дверям школы выходит сама Раиса Петровна, завуч. Встает у входа, и всем злостным нарушителям дисциплины (это которые опоздали больше чем на пять минут) лично пишет замечание в дневник. Вот уж чего не хотелось бы.

Вдали показалось здание школы, донеслась заливистая трель звонка. Еще минута – и Ластик влетит в раздевалку. Если Михал Михалыч чуть-чуть задержится в учительской (а с ним такое бывает), то, может, вообще обойдется.

Но в ста шагах от лицея Ластика подстерегало еще одно происшествие, пожалуй, самое удивительное из всех.

У пешеходного перехода стоял столик, заваленный картонными квадратиками. На столике посверкивала разноцветными огонечками огромная магнитола, и разбойный голос из динамиков хрипло пел что-то про пургу над зоной. Рядом топтался здоровенный парень в спортивном костюме.

Ластик знал: это называется «лохотрон» – жульническая уличная лотерея. Мама называла устроителей таких лотерей шакалами, которые спекулируют на людской глупости и жадности.

Он хотел пробежать мимо, но «шакал» вдруг выскочил из-за своего столика и преградил Ластику дорогу.

– Стотысячный клиент! – заорал жулик фальшиво радостным голосом и схватил шестиклассника за плечи. – Ну, братан, тебе подвалило!

– Я не клиент, я в школу опаздываю!

– Фигня, – произнес лохотронщик слово, употреблять которое папа Ластику строго-настрого запрещал. – В школу каждый день опаздывают, а стотысячный клиент самой крутой уличной лотереи – это ого-го!

Сейчас начнет деньги тянуть, понял Ластик. Сначала даст бесплатный билет, там будет выигрыш – какой-нибудь телевизор или плейер. Тут окажется, что нужно внести залог, или уплатить налог, или подойдет еще один клиент и выиграет то же самое. В общем, сколько есть у человека денег, столько и выдоят.

Но у Ластика денег нисколько не было. Он так и объяснил:

– Да у меня денег нет. Совсем.

– Фигня, – снова сказал парень. – Стотысячному клиенту бесплатно. Подарок от фирмы. Тяни билетик, брателло, не дрожи. Тут все чисто, без подставы. – И подмигнул.

И стало Ластику ясно, что этот так просто не отвяжется. Проще было вытянуть билет, а когда станут требовать деньги – вывернуть карманы.

Он схватил первую попавшуюся картонку, перевернул. Разумеется, там было напечатано «СУПЕРПРИЗ!!!». Ластик вздохнул. Ну всё, теперь начнется.

– Ни фига себе, – ахнул парень. – Ну, блин, ваще! Ты гляди, вытянул!

Захлопал глазами. Почему-то принялся оглядываться по сторонам. Потом, нахмурившись, буркнул:

– Выиграл – забирай. Твоя масть. Ну бери, бери, чего вылупился? Вот он, суперприз.

И сунул Ластику в руки орущую и переливающуюся всеми цветами радуги магнитолу.

Выиграть в «лохотроне» приз, да еще бесплатно? Это было что-то неслыханное! По сравнению с таким чудом бледнели и зрительно-слуховые галлюцинации, и бесхозная овчарка, и провалившийся под землю Миха.

Но сейчас у Ластика в голове было только одно – поскорей добежать до лицея и прошмыгнуть в дверь, пока оттуда не выплыла величественная фигура Раисы Петровны.

Уже взбегая по ступенькам, он вдруг подумал: да нет, здесь что-то не так, этого просто не бывает!

Обернулся – и не очень удивился, обнаружив, что столик с билетами и парень в спортивном костюме исчезли. Еще одна галлюцинация, сто процентов. Надо идти к врачу.

Однако магнитола-то никуда не делась. Посверкивала лампочками, и уголовный голос надрывался:

Не плачь, Андрюха,

Вернется пруха,

Твоя везуха

Вся впереди!

Тут электронный циферблат лицейских часов мигнул, четверка на нем сменилась пятеркой, так что получилось 8:35.

Чудеса закончились. Надвигалась катастрофа.

Катастрофа

У катастрофы были золотистые кудряшки, строго нахмуренный лоб, очки в стальной оправе.

– Это еще что за концерт? Фандорин? Из шестого «А»? Немедленно выключи эту гадость! – пророкотал первый, пока еще умеренный раскат грома.

– Раиса Петровна, я сейчас, – залепетал Ластик, пытаясь понять, как выключается его супер-приз. На агрегате имелось такое количество кнопок и рычажков, что разобраться в них, да еще под негодующим взглядом завуча, было непросто.

Он стал тыкать во все кнопки подряд, наудачу. Магнитола вдруг поперхнулась, перескочив на другую волну, и страстно замурлыкала:

Котик мой, котик,

Чеши мне животик,

Я твоя киска,

Сядь ко мне близко!

– Какая пошлость! И это слушает ученик лицея! Давай дневник! – громыхнуло уже ощутимей – Ластик вжал голову в плечи.

Выполнить приказ было трудно: шестиклассник стоял на одной ноге, поставив магнитолу на поднятую коленку. Левой рукой придерживал орущий аппарат, правой лихорадочно жал на кнопки. Портфель прижимал подбородком.

Когда попробовал достать дневник, случилось ужасное. Портфель грохнулся на пол, из него вывалилась чекушка и с мелодичным звоном покатилась по полу.

Раиса Петровна остолбенела. Ластик сначала зажмурился, а потом закричал, сам чувствуя, что несет белиберду:

– Это не я! Это Миха! То есть, я не знаю, как его на самом деле зовут! Я ему купил! Он просил, а я пожалел! У него трубы горят! Я правду говорю! Спросите у тети Люсьен из палатки!

– Из палатки? – переспросила завуч очень тихим голосом и, нагнувшись, двумя пальцами подняла чекушку.

На урок геометрии шестиклассник Фандорин не попал. Как и на все последующие уроки. Прямо от лицейских дверей, сопровождаемый воплями осатаневшей магнитолы, он был препровожден в кабинет директора Ивана Львовича по прозвищу Иван Грозный. Музыкального монстра укротил вызванный с урока учитель физики. Арестанта же для начала посадили в приемной, где он томился тяжкими предчувствиями целых полчаса.

Вещественные доказательства чудовищных преступлений – усмиренная магнитола и бутылка водки лежали на директорском столе, брезгливо накрытом полиэтиленом.

Суд Ивана Грозного был скор и немилостив. Сдвинув густые брови, директор молча выслушал обвинительную речь завуча. Обвиняемой стороне слова не предоставил. Защита на этом закрытом процессе отсутствовала.

Приговор был вынесен немедленно, таким страшным басом, что в кабинете задребезжали стекла, а под потолком забренчала люстра:

– Гнать из лицея в шею! И это еще в лучшем случае…

Ластик побелел, боясь даже представить себе, что его ожидает в худшем случае. Пресловутый «волчий билет», с которым не возьмут ни в одну приличную школу? Колония для несовершеннолетних преступников?

Даже завуч дрогнула.

– Как не стыдно, Фандорин, – сказала она жалостно и посмотрела на Ластика, словно на покойника. – Такая семья, такой прадедушка!

– Что моргаешь, выродженец? – хлопнул пятерней по столу директор. – Марш за отцом! Живо!

И выродженец, нокаутированный коварным ударом судьбы, поплелся домой. Мимо пешеходного перехода, где, на свою беду, выиграл проклятый суперприз. Мимо водосточной трубы, где пожалел злополучного Миху. Мимо подворотни, где уже не было кровожадной овчарки. А жаль – пусть бы разорвала жертву несчастного стечения обстоятельств на мелкие кусочки.

Или это было не стечение обстоятельств, а жестокая шутка какого-нибудь злого волшебника? Разве не подозрительно, что все, кто имел касательство к катастрофе, один за другим бесследно исчезали?

Зато замок на решетке висел на своем обычном месте. В подвал снова было не попасть.

Ластик собирался идти в четвертый подъезд, к папе на работу, но тут вдруг остановился. А что если папа не поверит? Ведь чушь, бред, с начала до конца: и шепот из погреба, и привязанная собака, и всё остальное.

Он стоял перед подъездом минуту, другую, третью, не решаясь войти. А дверь взяла и открылась сама собой. И вышел из нее не кто-нибудь, а папа. Только он был не один. Папу сопровождал какой-то долговязый, сухопарый старик – сразу видно, что иностранец: в шляпе с перышком, с белым шарфом навыпуск, а в руке объемистый саквояж ярко-желтой кожи.

– Эрастик! – воскликнул папа. – Ты уже вернулся из лицея? Что так рано?

– Меня, – трагическим шепотом начал Ластик. – Меня…

Но папа не дослушал – повернулся к старику.

– Мой сын, Эраст. Назван в честь Эраста Петровича, чиновника…

– … особых поручений при московском генерал-губернаторе. Величайшего сыщика-джентльмена своей эпохи, – подхватил незнакомец, кивнув. Голос у него был ровный, немножко скрипучий, с легким металлическим акцентом. – Познакомьте же меня скорее с молодым человеком.

Папа объяснил:

– Это мистер Ван Дорн. Наш родственник. Правда, очень дальний.

– Двенадцатиюродный, – уточнил старик. Ростом он был почти с папу, то есть под два метра, поэтому, чтобы пожать Ластику руку, сложился чуть не пополам.

Его тонкие, бледные губы оказались у самого уха шестиклассника и прошептали:

– Вы точь-в-точь такой, как я себе представлял. Я нисколько не разочарован.

Очень дальний родственник

– Представляешь? – засмеялся папа, не слышавший странных слов двенадцатиюродного родственника. – Я говорю: «Что вам угодно, чем могу быть полезен?» Думал, обыкновенный клиент.

Тут Ластику стало папу немножко жалко – он так небрежно сказал «обыкновенный клиент», а ведь на самом деле у его фирмы никаких клиентов давно уже не было. Только себя было еще жальче. При постороннем человеке не расскажешь о разразившейся катастрофе, а сделать это нужно как можно скорей, пока с работы не вернулась мама. Пусть бы лучше ей папа все объяснил.

Ах, как некстати заявился этот мистер Ван Дорн! И разговаривает чудно. Может, он недостаточно знает русский и оттого неловко выразился? А то что-то непонятно: в каком смысле «не разочарован»?

– Я решил, это не совсем удобно – сразу прийти домой, – объяснял гость, когда поднимались на лифте в квартиру. – Можно было бы предварительно протелефонировать, но я не очень хорошо понимаю разговорный русский, когда не вижу перед собой лица собеседника.

– Ну что вы, вы просто замечательно говорите по-русски. – Папа открыл ключом дверь.

Ван Дорн скромничать не стал. Важно заметил:

– Да, я в совершенстве владею всеми языками, которые имеют для меня значение.

Папа, кажется, был несколько обескуражен этим странным оборотом речи.

– А какие языки для вас имеют значение? Прошу, входите.

Церемонно наклонив голову, старик вошел в прихожую, осмотрелся, одобрительно кивнул. Когда он снимал свою смешную шляпу, Ластик заметил на длинном сухом пальце бронзовое кольцо в виде змеи, проглотившей свой хвост.

– Для меня имеют значение языки, на которых говорят потомки Тео Крестоносца, а они сегодня проживают в тридцати семи странах. Видите ли, дорогой господин Фандорин, я исследую историю нашего рода. Вот и в Москву прилетел, чтобы выяснить кое-какие обстоятельства генеалогии русских фон Дорнов. То есть, я хотел сказать «Фандориных», – поправился гость.

Тут папа, конечно, всплеснул руками. Он ведь тоже занимался историей своего рода – в свободное от работы время, то есть почти всегда. Но здесь старик удивил его еще больше:

– Моя ветвь берет начало от солдата удачи Корнелиуса фон Дорна – того самого, что впоследствии служил капитаном царских мушкетеров при дворе государя

Алексея Тишайшего.

– Как?! – воскликнул папа. – Но именно от Корнелиуса происходим и все мы – русские Фандорины, Фондорины, а также просто Дорины и Дорны! Я немного занимался биографией этого искателя приключений, – скромно признался он (хотя сам написал про капитана мушкетеров целую книжку), – но я не встречал упоминаний о его браке домосковского периода. Где это произошло? Судя по вашей фамилии, в Голландии?

Они уже были в гостиной. Ван Дорн и папа сели в кресла, Ластик топтался рядом, прикидывая, нельзя ли под каким-нибудь предлогом выманить папу из комнаты. Вряд ли. Раз речь зашла о Корнелиусе фон Дорне, пиши пропало.

– А никакого брака не было, – легонько, одними углами губ, улыбнулся иностранец. – Была мимолетная интрижка с Беттиной Сутер, трактирщицей из Лейдена. Корнелиус уехал, так и не узнав, что у трактирщицы появится ребенок, к тому же носящий его родовое имя. Беттина, будучи женщиной обстоятельной, изготовила поддельный документ о браке – чтобы сын не считался незаконнорожденным. Я раскопал эту маленькую семейную тайну еще в юности, когда изучал лейденские архивы и церковные приходские книги. Беттина стала именовать себя «благородной госпожой фон Дорн», а ее потомки переделали фамилию на голландский манер. Довольно заурядная история. Любопытно другое. Мне удалось выяснить, что в 1777 году, в американской Виргинии, один из Ван Дорнов случайно встретился с русским волонтером Милоном Фондориным…

И разговор углубился в несусветные исторические дебри. Перескочил на какую-то Летицию де Дорн, потом на сгинувшего в Полинезии Тобиаса Дорна, мичмана британского королевского флота.

В другое время Ластик с удовольствием послушал бы все эти занятные истории, но только не сейчас. На сердце было тоскливо, приближалось обеденное время. А мама иногда заскакивала домой между двумя и тремя – приготовить ужин, и потом опять уезжала в редакцию, подписывать вечерний выпуск. Она не папа, посмотрит один раз на кислую физиономию сына и сразу поймет: что-то стряслось.

А родственник, похоже, обосновался надолго и никуда особенно не спешил.

Вскоре стало ясно, что историю рода Дорнов-Фандориных он знает гораздо лучше папы. Тот помнил не все факты, время от времени заглядывал в картотеку или в компьютерный файл. Ван Дорн же сыпал именами и датами по памяти.

– Ах, если бы нам встретиться раньше, когда я пытался стать профессиональным историком! – сокрушался папа. – Я бы непременно напросился к вам в ученики. Как замечательно, что у нас с вами одно хобби!

На это мистер Ван Дорн строго заметил:

– У меня это не хобби, а смысл всей моей жизни. Знаете, сколько лет я занимаюсь историей нашего рода? В декабре исполнится…

Договорить ему помешал телефонный звонок.

– Извините. – Папа вынул из кармана мобильник, взглянул на высветившийся номер. – Да, Валя?

Папина секретарша, из офиса. Телефон у папы был громкий, а голос у Вали пронзительный, поэтому Ластик, стоявший в двух шагах, слышал почти каждое слово.

– … настоящий перспективный клиент, сразу видно! – тараторила секретарша. – Говорит, долго ждать не может!

– Но я сейчас никак… – папа расстроенно потер висок и оглянулся на гостя.

– Вы чего? – запищала трубка. – Месяц без работы сидим! Говорю вам: настоящий клиент.

Первый вице-президент инвестиционной компании! Много про вас слышал! Большой заказ! Я ему кофе дала, сказала, вы сейчас вернетесь.

– Но я правда сейчас не могу.

Папа перешел на шепот, что было бессмысленно – все равно гость всё слышал.

Ван Дорн поднял палец, деликатно привлекая папино внимание.

– Бизнес прежде всего. Если вам необходимо вернуться в офис…

– Нет-нет, что вы! У нас с вами такой интересный разговор. И вообще, я ужасно рад знакомству!

Валя услышала и заявила:

– Если сию минуту не придете – всё. Увольняюсь!

Папа страдальчески поморщился.

– Интересный разговор подождет, – сказал Ван Дорн. – Я никуда не денусь. Схожу пока на Красную площадь, в Кремль. Это ведь недалеко отсюда? Если я не ошибаюсь, выйти на улицу, потом налево и направо?

– Хорошо, сейчас буду, – сердито буркнул папа в трубку и разъединился. – Нет-нет, наоборот, – обратился он уже к гостю. – Сначала направо, потом налево. Знаете что? Давайте Эраст сходит с вами, а потом вы вернетесь сюда. Это было бы самое лучшее. А я позвоню жене. Может быть, она сумеет вырваться пораньше.

Впервые после памятной фразы, произнесенной шепотом в момент знакомства, старик посмотрел на Ластика – вежливо, но довольно рассеянно.

– Если молодой человек согласится составить мне компанию…

– Конечно, согласится! Я бы и сам с огромным удовольствием устроил для вас экскурсию по фандоринским местам Москвы. Прежде всего показал бы вам…

Тут у него в кармане снова зазвонил телефон.

– Иду, иду! – крикнул папа в трубку. – Я уже на лестнице.

Извиняющимся жестом развел руками, сказал: «Ну, я не прощаюсь» – и вышел.

Едва защелкнулась дверь, мистер Ван Дорн вскочил с кресла и бросился к Ластику.

– Наконец-то мы вдвоем! – воскликнул он. – Я думал, ваш отец никогда не уйдет! Но мой ассистент отлично справился со своей ролью! Он займет вашего отца часа на два, а то и на три. Ваша мать к обеду не приедет – она только что получила эксклюзивный, сверхсрочный материал для сегодняшнего номера. У нас с вами достаточно времени.

– Что? – только и смог пролепетать Ластик.

Самая важная персона на свете

– Вы – тот, кого я так долго искал! Никаких сомнений! – взволнованно выкрикивал утративший всю свою чопорность иностранец. Он то садился на корточки, чтобы быть с Ластиком вровень, то вскакивал, возбужденно размахивал руками. Было совершенно непонятно, что за муха его укусила, и Ластик на всякий случай попятился к двери. Вдруг этот мистер Ван Дорн – псих?

Бессвязность речи двенадцатиюродного лишь укрепляла это подозрение.

– Вы – потомок Тео фон Дорна! – загнул палец старик и тут же загнул следующий. – Вы вошли в подземелье, перехитрили собаку, пожалели нищего и вытянули выигрышный билет, единственный из восемнадцати! – Тут пальцы у него на руке кончились. Он снова присел перед Ластиком на корточки, взял его за плечи и страшным шепотом спросил: – Знаете, кто вы такой?

– Нет, – испуганно ответил Ластик, хотя, конечно же, отлично знал, кто он такой.

– Вы – Самая Важная Персона на Свете. Можно было бы принять это заявление за шутку, если бы не тон, выражение лица, да, в конце концов, и сам возраст мистера Ван Дорна. Для пущей торжественности старик снова выпрямился во весь свой рост и простер ладонь над макушкой Ластика, будто посвящал его в рыцари.

И сердце шестиклассника затрепетало.

На самом деле в глубине души Ластик всегда подозревал, что он – Самая Важная Персона на Свете. Большинству мальчиков (даже куда более зрелого возраста) хочется в это верить. Как и всем детям, ему случалось мечтать, что однажды явится таинственный посланец и объявит, что он, Ластик, на самом деле никакой не Ластик, а… ну, в общем, единственный и незаменимый. Лишь он один может сделать что-то очень-очень важное: добыть Кольцо Всевластья, найти потаенную Запертую Комнату или совершить еще какой-нибудь неслыханный подвиг.

Лишь этим можно объяснить постыдный, недостойный шестиклассника вопрос, сам собой сорвавшийся у Ластика с языка:

– Вы волшебник, да?

В самом деле, кто кроме волшебника мог знать про подземелье, про злую собаку, про бомжа и даже про то, что лотерейных билетов было именно восемнадцать – ведь Ластик и сам этого не знал!

Старик поморщился:

– Волшебников не бывает. И волшебства тоже. – Он строго поднял палец, на котором тускло сверкнула бронзовая змея. – Есть лишь явления, мало изученные или вовсе не замеченные наукой. И есть люди, которые этими явлениями занимаются. Например, ваш покорный слуга. Я – профессор, и моя специальность – ННЯ, Необъясненные Наукой Явления.

– Это вроде физики? – спросил Ластик, покраснев, – стало стыдно за дурацкий вопрос про волшебника.

– Вроде физики, – подтвердил профессор.

– А разве вы не историк?

– ННЯ – это одновременно раздел и физики, и истории. Наиважнейший раздел двух этих наиважнейших наук, потому что самый таинственный. Тема, которую я

разрабатываю всю свою жизнь, неизмеримо главнее всех прочих научных тем. Но я не могу достичь своей цели, если у меня не будет помощника. О, что я говорю! – замахал руками старик. – Это я буду вашим помощником! Если, конечно, вы согласитесь… Ведь вы согласитесь?

Он с тревогой взглянул Ластику в глаза.

– На что?

– Быть моим соратником. Сделать то, что должно быть сделано. То, что можете сделать только вы. Ну же! От вашего решения зависит будущее человечества!

Вконец сбитый с толку и ошарашенный, Ластик опять пролепетал нечто постыдно детское:

– Мне нужно спросить у папы…

– Хм. Хм, хм, – закашлялся мистер Ван Дорн. Похоже, он был немного сконфужен. – Ваш батюшка прекрасный человек, неплохой специалист по истории рода Дорнов и всё такое, но… спрашивать у него не нужно. Решения, подобные этому, принимают без родителей.

– Почему?

– Потому что такие уж это решения, – вздохнул профессор. – Ни один родитель не позволит своему ребенку впутываться в столь опасное дело. У меня и самого на душе неспокойно. Но что поделаешь, если без вас тут никак не обойтись. На всем белом свете только вы один можете исправить то, что натворил проклятый Тео!

– А что он натворил, этот Тео? – спросил Ластик. – Я знаю, что он – родоначальник Дорнов, но почему вы называете его «проклятым»? Папа ничего плохого про него не рассказывал…

– Потому что ваш отец не знает главного. Кроме меня никто из живущих про это не знает. Во всяком случае, я очень на это надеюсь, – зловещим тоном присовокупил профессор. – Теперь будете знать еще и вы.

Он наклонился к Ластику, усадил его на стул. Сам сел напротив.

– Слушайте же, как всё это началось…

Тео крестоносец

Однажды осенью года от Рождества Христова 1096-го в замок Линденвальд, что в Рейнской стране, пришел бродячий монах. Волосы его были нечесаны, тонзура давно небрита, глаза горели неистовым огнем. Воины, слуги и сам барон собрались послушать, что монах расскажет о соседних краях.

Но проповедник заговорил не о ближних землях, а о дальних – о Пресветлом Городе Иерусалиме, где неверные сарацины глумятся над памятью о Муках Христовых, истязают смиренных паломников и оскверняют Гроб Господень. Однако недолго радоваться поганым – уж близок Час Возмездия.

В Клермоне собрались пастыри Христовой веры, и святейший папа Урбан призвал принцев, рыцарей и всех, кто печется о спасении души, нашить на одежду крест, взять оружие и отправляться в Палестину. Ибо сказал Спаситель: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною». И весь христианский мир повторил призыв папы Урбана: «Deus lo volt!» – «Сие угодно Господу!»

Так говорил бродячий проповедник, и многие мужчины замка Линденвальд захотели идти в Святую Землю, биться за Гроб Господень, в том числе те сыновья копейщика Арнульфа Дорна, которым к тому времени было больше пятнадцати лет, а таковых у Арнульфа имелось семеро.

Но старый Дорн, нрав которого был под стать прозвищу (Dorn по-немецки значит «колючка»), четверых лучших сыновей оставил дома под страхом проклятия. Отпустил же только троих: второго сына Петера, потому что крив на один глаз, четвертого сына Клауса, который отличался буйным нравом, и пятого сына Тео, поскольку тот поклялся на распятии, что все равно убежит, не устрашившись отцовского проклятья.

Трое братьев нашили на плечо красный крест, дали обет не возвращаться в родные края, пока над Иерусалимом не воссияет Правда, и получили за это от священника отпущение грехов, а их отец от барона – отсрочку выплаты долгов.

Петер, Клаус и Тео отправились в путь пешком. Коней у них не было и на троих имелся всего один набор оружия, который они честно разделили между собой. Старшему достался мятый отцовский шлем, среднему – меч с деревянной рукояткой, а Тео, как самому младшему, всего лишь кинжал. Копья они вытесали себе сами.

В Савойе братья догнали войско графа Гуго Вермандуа, сына киевской принцессы Анны Ярославны (он первым из принцев выступил в Священный Поход), и были взяты простыми пехотинцами.

Миновало три года маршей, боев и лишений, прежде чем огромная крестоносная армия – 12 тысяч пеших воинов и 12 сотен конных рыцарей – достигла стен главного города земли Иерусалима.

Петер пал от турецкой стрелы в Анатолии, Клаус умер от жажды во время страшного броска через безводную фригийскую пустыню, зато Тео остался жив и превратился из тонкокостного юноши в обожженного солнцем воина, уверенно ступавшего по земле крепкими кривоватыми ногами.

Он давно покинул отряд чересчур осторожного графа Гуго и присоединился к храбрецам лотарингского герцога Годфруа, под знаменем которого стяжал славу и богатство: боевого коня, на которого садился только в день церковных праздников, да хорошие доспехи, да мула с поклажей.

За славный бой близ Дорилеи великий Годфруа пожаловал Тео в рыцари и подарил золоченые шпоры, снятые с одного из павших. Теперь сын копейщика именовался «мессиром де Дорном» и вел под своим сине-красным значком отряд из тридцати пяти лучников.

Охваченное благочестивым нетерпением, крестоносное войско сразу же ринулось на штурм, но гарнизон арабского военачальника Ифтикара стоял крепко, и многие христиане в тот день сложили головы под неприступными стенами. Одни говорили, что нельзя было идти в священный бой тринадцатого числа, да еще в понедельник. Другие сетовали, что надо было построить

осадные башни и запастись достаточным количеством лестниц.

Почти достигнув цели, армия оказалась на пороге гибели. Деревни вокруг были разорены, немногочисленные колодцы отравлены, доспехи так раскалились под июньским солнцем, что кожа покрывалась волдырями, а из Египта на выручку осажденным спешила огромная сарацинская армия. Горячий ветер из пустыни сыпал в глаза песок и пах смертью.

Но Годфруа и прочие полководцы не пали духом, потому что вера их была велика, а сил отступать к морю все равно уже не осталось.

Крестоносцы построили три перекатных башни. Потом все – принцы, рыцари, простые воины – обнажив головы и разувшись, с пением молитв обошли вокруг города. Сарацины смотрели с высоких стен на скопище воющих оборванцев и покатывались со смеху.

Штурм начался в ночь со среды на четверг.

В трех местах к стенам подползли деревянные башни, и закипела битва. Осаждающие дрались весь день и половину ночи, но так и не сумели перекинуть на стену хотя бы один мостик.

Ночью, незадолго до рассвета, рога затрубили отступление. Мусульмане, торжествующие победу, но тоже выбившиеся из сил, потянулись на ночлег, оставив лишь дозорных. И тут, будто и не было целого дня изнурительных боев, крестоносцы разом повернули и одним махом вновь вскарабкались на башни.

Тео и его лучникам было назначено сидеть на той из них, что штурмовала Иерусалим с севера. Много часов они стреляли по защитникам через бойницы. Но когда храбрый Литольд де Турне первым перескочил на крепостную стену, Тео, не совладав с жаром в крови, бросился за ним, и лучники хлынули за своим командиром, обгоняя неповоротливых латников.

В грудь Тео, защищенную не железной кольчугой, а всего лишь кожаным панцырем, ударил камень из пращи. Рыцарь упал без чувств и не видел, как бежали охваченные ужасом защитники крепости.

Должно быть, Господь пожалел родоначальника фон Дорнов: из-за ушиба Тео пролежал три дня и поэтому не участвовал в страшной резне, опозорившей христиан на весь восточный мир.

Когда же Тео поднялся, герцог за храбрость дал ему награду – право выбрать в вечное владение любой надел длиной и шириной в две тысячи локтей, если земля под стенами Священного Города, а если в отдалении, то длиной и шириной в час скачки на свежем коне.

Тео, конечно, захотел участок поближе к Гробу Господню. Однако, пока он оправлялся от раны, вся хорошая земля досталась другим, и ему пришлось довольствоваться голым трехглавым холмом, на который никто не позарился. Холм этот находился к северо-востоку от Храмовой Горы, в двух полетах стрелы от городской стены, и отчего-то пользовался у местных жителей дурной славой.

Не раз и не два обошел рыцарь де Дорн свою долю Святой Земли, прикидывая, может ли тут быть вода. Непохоже: земля была ссохшаяся и растресканная, без единой травинки.

Один из его лучников, Жан-Ноздря, обладал драгоценным талантом чуять под землей воду. Этот дар не раз спасал товарищей от мучительной смерти в иудейских горах, на первый взгляд совершенно безводных, но на самом деле изрытых подземными источниками. Вот и теперь вся надежда была на Жана.

Он долго ходил вокруг подножия и по склонам, держа в руках ветку терновника, который чуток на влагу.

Сначала Ноздря лишь качал головой. Потом заметили, что лучник все время возвращается к одному и тому же месту – самой высокой и самой лысой из трех вершин, на которой даже колючки не росли.

– Может, там что-то есть, не знаю, – неуверенно пробормотал Жан и пожал плечами, сам понимая, что на макушке холма воде взяться неоткуда.

Делать нечего, Тео велел рыть. И сам тоже взялся за кирку. Такое у него было правило: всегда делать то же, что делают его люди. Может, из-за этого правила лучники и полезли за ним на иерусалимскую стену, над которой витала смерть.

Врылись на три локтя, на пять, на десять. Почва оставалась сухой, и Тео уже хотел под каким-нибудь предлогом отослать Ноздрю подальше, чтоб товарищи с досады не переломали ему кости.

Но тут из земли показался кусок дерева, очень старый и до того задубевший, что заступ не оставил на нем даже вмятины. Откуда бы здесь взяться дереву?

Стали рыть дальше.

Деревяшки попадались еще, и такие же крепкие, а воды всё не было.

Де Дорн в очередной раз ударил киркой по глине, и ему показалось, что из-под ног брызнули искры – будто из-под кузнечного молота на наковальне.

Рыцарь наклонился, разгреб рукой пыль и увидел что-то маленькое, круглое, переливавшееся всеми цветами радуги.

Перевес в 64 карата

– Что же это было? – нетерпеливо воскликнул Ластик, потому что профессор замолчал.

– Райское яблоко.

– Это из которых бабушка варит варенье? – недоверчиво спросил шестиклассник.

У бабушки на даче райских яблок было полным-полно. По виду и вкусу они совсем как настоящие, только маленькие, будто игрушечные.

– Да, находка рыцаря де Дорна выглядела именно так – и по форме и по размеру. Золотисто-розовый шарик размером с крупное райское яблочко. – Ван Дорн показал величину большим и указательным пальцами. – Очень твердый, холодный и нестерпимо сверкающий на солнце.

– Алмаз, да? – догадался Ластик.

– Во всяком случае, так решил Тео. Он отнес драгоценный камень купцам, которые скупали у крестоносцев добычу, и купцы подтвердили: это очень большой алмаз необычной, радужной окраски весом в 64 кирата. «Кират» – арабское название семени рожкового дерева, современные ювелиры называют эту единицу измерения, равную одной пятой грамма, «каратом». Левантийский торговец предложил рыцарю тысячу золотых, а генуэзец – десять тысяч. Но Тео не продал яблоко торговцам, а отдал рыцарю Аршамбо де Сент-Эньяну, одному из будущих основателей могущественного ордена Тамплиеров. Взамен наш преступный предок получил сто кусков драгоценного индийского шелка и, вернувшись на родину, построил на вырученные за шелк деньги замок Теофельс, родовое гнездо Дорнов.

– Но почему вы называете Тео преступным?

– Потому что он отрыл Райское Яблоко! – трагическим голосом произнес специалист по Неизученным Наукой Явлениям и содрогнулся. – Это действительно было райское яблоко – то самое, о котором говорится в Библии. У вас в школе, наверное, преподают Закон Божий, или как это в нынешней России называется? Помните, как сказано в Священном Писании: «Только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть»? Современные умники любят порассуждать о том, что библейский «запретный плод» – это иносказание, символ соблазна и опасного любопытства. Но это действительно был Плод. И все злосчастья человечества начались, когда Адам и Ева его сорвали.

– А что в нем такого опасного, в этом яблоке?

Профессор кинул на Ластика взгляд, полный сомнения, словно не был уверен, сможет ли тот понять.

– Известно ли вам, мой дорогой родственник, что Добра и Зла в мире поровну, грамм в грамм? Именно поэтому мир все время балансирует между двумя этими энергетическими полюсами, качаясь то одну, то в другую сторону. Когда баланс кренится в сторону Зла, происходят страшные войны, эпидемии и природные катастрофы. Но если вы смотрите телевизионные новости, то не могли не заметить, что несчастья на свете происходят гораздо чаще, чем светлые и

радостные события. Знаете, почему?

Когда слушатель помотал головой, мистер Ван Дорн, понизив голос, сообщил:

– Потому что с некоторых пор Зла на земле стало на малюсенький кусочек больше. Собственно, даже известно на сколько именно – на шестьдесят четыре карата.

Ластик ахнул.

– Так Запретный Плод – это…

– Квинтэссенция Зла. Невероятно концентрированный заряд злой, разрушительной энергии. Пока он находился под надежным присмотром, в Райском Саду, вселенная благоденствовала. Когда же Райское Яблоко вырвалось на свободу и покатилось по свету, началась История Человечества, которая по большей части состоит из злодейств и преступлений. Два тысячелетия назад, ценой великой, невозвратной жертвы Запретный Плод был укрощен и зарыт в земле – на некоем лысом холме, что находился за северо-восточной стеной города Иерусалима. Сверху разрушительное яблоко было запечатано обломками окровавленного креста. Вы понимаете, мой юный друг, о чем я говорю?

Дождавшись кивка, профессор неожиданно спросил:

– Проходите ли вы в школе историю Древнего Мира и Средних Веков?

– Да. Древняя была в прошлом году, средневековая в этом.

– Хорошо ли вы успеваете по этому предмету?

– Первый в классе, – похвастался Ластик. История и в самом деле давалась ему куда лучше, чем точные науки.

– Тогда вы наверняка обратили внимание вот на какое странное обстоятельство. Начиная с первых веков христианской веры история вдруг словно оскудевает, перестает быть «интересной». Вот скажите, какие исторические события первого тысячелетия вы помните?

Подумав, Ластик сказал:

– Ну, падение Римской империи… Византия… Ах да, еще арабы и их новая религия, ислам.

Больше припомнить ничего не смог, даже стыдно стало.

– Маловато катастроф, не правда ли? А распространение ислама, христианства и буддизма, трех великих милосердных религий, безусловно стало для человечества благом. На изучение этой тысячелетней, почти бессобытийной эпохи в школе уходит всего один, максимум два урока. Так называемые исторические события – это всегда хроника потрясений и несчастий. А в первом тысячелетии несчастий вдруг стало существенно меньше. Они, конечно, не исчезли вовсе. Но впервые с начала времен Добро и Зло схватились на равных, и Зло стало отступать. Потому что в честной борьбе Добро обычно оказывается сильнее. И так продолжалось до тех пор, пока наш с вами предок не стал ковырять своей киркой верхушку лысого холма за северо-восточной стеной Иерусалима. С тех пор вот уже тысячу лет мы, люди, опять мучаем и убиваем друг друга. И, похоже, не успокоимся, пока совсем себя не уничтожим.

Профессор замолчал, повздыхал. Потом внезапно тряхнул головой и схватил Ластика за руку.

– Кто во всем этом виноват? Наш предок, первый из фон Дорнов. Значит, нам, потомкам проклятого Тео, и надлежит исправить его чудовищный проступок. Так или нет?

Миссия Дорнов

– Так, конечно, так! – горячо согласился Ластик. – Но что мы можем сделать?

– Как что? – удивился мистер Ван Дорн. – Найти Райское Яблоко и остановить его. Конечно, сделать это очень не просто. След камня давным-давно затерялся. Сто с лишним лет он принадлежал Ордену рыцарей-тамплиеров. Потом яблоко покатилось по всему миру, подгоняемое людской алчностью. Время от времени

оно выныривало на поверхность. Каждое документально зарегистрированное его появление напрямую связано с какой-нибудь бедой. Известно, что алмаз, похожий на Райское Яблоко, видели осенью 1347 года в лаборатории алхимика Ансельма Дженовезе, а вскоре в Генуе началась Великая Чума, распространившаяся на всю Европу и истребившая треть ее населения.

20 августа 1572 года шевалье де Телиньи заказал придворному ювелиру мэтру Ле Крюзье огранить большой круглый алмаз радужной расцветки, а через день в Париже произошла чудовищная резня, вошедшая в историю под названием Варфоломеевской ночи.

Видели Райское Яблоко и накануне ужасного Лондонского пожара 1666 года: фаворитка короля леди Каслмейн присмотрела в лавке ломбардца Сангвинетти редкостной красоты алмаз и попросила сделать из него две полукруглые подвески…

Где камень сегодня, я не знаю. Скорее всего, хранится в сейфе у какого-нибудь миллиардера, который добыл сокровище незаконно и потому не смеет никому его демонстрировать. Во всяком случае, вот уже более полувека, как я не встречал о нем никаких упоминаний… И все же мы обязаны его отыскать! Именно этой задаче я посвятил всю свою жизнь. Историческая миссия Дорнов – поиск Райского Яблока!

Глаза профессора засверкали, пальцы что было силы сжали плечо Ластика, но тот, охваченный волнением, не почувствовал боли.

– Я готов вам помогать, но… я не понимаю, зачем вам нужен именно я? Ведь я всего лишь мальчик, я еще маленький.

– В том-то и дело, что маленький! – вскричал ученый. – Мне нужен маленький Дорн. Почему именно Дорн – я вам уже объяснил. А почему маленький, растолкую чуть позже. Сначала вы должны понять, почему из всех маленьких Дорнов я остановил свой выбор именно на вас. Да будет вам известно, что на сегодняшний день в мире существует пятьдесят два прямых потомка Тео Крестоносца в возрасте от восьми до двенадцати лет.

– Почему от восьми?

– Потому что дети моложе восьми лет еще несмышленыши, за исключением вундеркиндов, а вундеркиндов среди ныне здравствующих Дорнов мною, к сожалению, не обнаружено.

– Понятно. А почему только до двенадцати?

– Потому что потом дети вырастают и становятся слишком крупными. Правда, в Мексике живет один карлик, Пабло де Дорн. Он мог бы подойти, если б меньше любил текилу. О, я очень долго не мог найти правильного Дорна! Уже думал усыновить какого-нибудь подходящего мальчика и дать ему свою фамилию. Это теоретически возможно, но рискованно. Настоящие Дорны – во всяком случае многие из них – отличаются наследственной удачливостью, а без нее в нашем деле никак не обойтись. Усыновленным это полезное качество, к сожалению, передается не сразу. Во всяком случае, не в первом поколении. И потом, тут ведь еще важно, где именно обитает мальчик. Желательно, чтобы он жил недалеко от дыры.

– От чего? – поразился Ластик.

Но Ван Дорн пропустил вопрос мимо ушей – так был увлечен собственным рассказом.

– Я очень рассчитывал на вашего американского семиюродного брата Берни. Он отлично подошел бы для Бруклинского кладбища – там неплохой выход в январь 1861 года. Видите ли, третьего апреля того же года в Нью-Йорке на аукционе был выставлен на продажу алмаз, очень похожий на наш. Однако оказалось, что Берни ест слишком много попкорна и ни за что не пролезет в щель. До экзаменовки даже не дошло.

Ваш итальянский пятиюродный брат мог бы сгодиться для Генуи 1347 года, он благополучно прошел первый экзамен, но срезался на втором – оказался тугодумен, что с Дорнами вообще-то бывает редко. Потом я занялся южноафриканским десятиюродным. Он мулат, и мог бы пригодиться для острова Барбадос, где Яблоко мелькнуло в 1702 году. Увы – провалился на четвертом испытании. Вы же сдали все четыре экзамена самым блестящим образом.

– А? – поразился Ластик, забыв о том, что говорить взрослым «А?» очень невежливо. – Какие четыре экзамена? Когда?

– Я должен был убедиться, что вы, во-первых, смелы, во-вторых, находчивы, в-третьих, великодушны и, в-четвертых, удачливы. Без четырех этих качеств лучше и не пытаться искать Яблоко. Неужели вы не заметили, что сегодня утром с вами все время происходили странные вещи?

– Заметил…

– Вы не побоялись войти в темный подвал, откуда вас звал непонятный, жуткий голос. Это значит, что любознательность в вас сильнее страха.

– А что это был за голос?

– Ерунда, – махнул рукой Ван Дорн. – Спрятанный магнитофон с дистанционным управлением. Итак, я установил, что вы смелы. Но, может быть, это от недостатка фантазии и неразвитости ума? Знаете, самые отчаянные храбрецы это, как правило, люди, лишенные воображения. Но вы в два счета придумали, как обмануть свирепого пса. Это испытание устроить было еще проще: я заплатил немного денег хозяину собаки, чтоб он на десять минут привязал ее в подворотне.

– И бомжа Миху подговорили тоже вы?

– Разумеется. Это был экзамен на милосердие, очень важный. Без благородства смелость и острый ум превращаются в величину отрицательную. Но у вас, слава Богу, оказалось доброе сердце. А самым трудным испытанием было последнее – на везучесть. Вы выдержали его триумфально.

– Значит, экзаменов было четыре? А как же мое отражение в стене? – вспомнил Ластик самое первое из утренних происшествий.

– Какое еще отражение? – Профессор пожал плечами. – Про это я ничего не знаю. Но то, что по удачливости вы можете потягаться со своим прадедом Эрастом Петровичем, сомнений не вызывает.

– Это как посмотреть, – уныло вздохнул Ластик, вспомнив о скандале в лицее. Он так увлекся беседой, что совсем забыл о своем несчастье. – Меня из-за ваших экзаменов из школы выгоняют. И, может, даже с «волчьим билетом».

Но мистер Ван Дорн про Ластиково горе и слушать не стал.

– В ваших руках судьба мира, а вы говорите о каких-то мелочах! Я понял, что вы и есть тот самый Дорн, когда узнал, в каком доме вы живете! О, как мне хотелось, чтобы вы выдержали испытания! И вы их выдержали! Маленький Дорн, живущий рядом с ходом – это феноменальное совпадение! То есть, конечно, ничего страшного не было бы, если б вы жили и в другом районе, но я верю в великий смысл совпадений! Так называемые случайности никогда не бывают случайными!

Высказав эту замысловатую мысль, ученый сделал драматичную паузу. Помолчав с полминуты, подмигнул и вкрадчиво прошептал:

– Знаете ли вы, что из подвала дома номер один по улице Солянка, то есть вашего дома, есть превосходная дыра, ведущая именно туда, куда нужно?

Уже во второй раз Ван Дорн заговорил о какой-то непонятной дыре.

– Да что за дыра-то? – во второй раз спросил Ластик.

– «Chronohole», или «хронодыра», мой юный друг, – это такой лаз, по которому можно попасть в другое время.

Хронодыры

За последние полчаса Ластик наслушался всякого, но это уж было чересчур.

– Да разве можно попасть в другое время? – недоверчиво спросил он.

Мистер Ван Дорн хмыкнул, будто «юный друг» сморозил чудовищную глупость.

– Разумеется. Время буквально истыкано дырами, как головка швейцарского сыра.

– Папа давал мне кассету со старым американским фильмом «Хроноразбойники», там тоже было про лазейки из одной эпохи в другую. Но это же сказка!

– Какое еще кино, при чем тут кино? – засердился профессор. – Я вам не сказки рассказываю, а излагаю научно подтвержденный, хоть и мало кому известный факт. Ходов, ведущих в другое время, вокруг нас полным-полно. Обычно они расположены в исторических музеях, дворцах, подземельях, иногда в дупле очень старого дерева, а чаще всего на старинных кладбищах. Беда в том, что большинство этих лазов чрезвычайно узкие.

– Сколько сантиметров? – спросил Ластик, тем самым продемонстрировав, что не зря обучается в лицее с математическим уклоном.

– Проходы бывают двух видов: узкие и очень узкие. В очень узкие проскользнет разве что мышь. Кстати говоря, именно этим объясняется необъяснимый страх многих женщин перед безобидными грызунами – они свободно снуют из эпохи в эпоху.

– А почему женщин?

– Потому что женщины лучше чувствуют внерациональное и невидимое. В среднего размера хронодыру пролезает кошка, особенно черная. Непонятно, какое значение здесь имеет окрас шерсти, но это установленный факт. И, наконец, в дыры-гиганты с трудом может протиснуться ребенок – как я уже говорил, не старше двенадцати лет, да и то, если это не какой-нибудь акселерат. Вам наверняка иногда попадались сообщения о пропавших детях. Родители оплакивают их, как погибших, но эти малыши не погибли. Они просто по случайности угодили в хронодыру и не умеют вернуться обратно. Бывает и наоборот. К нам попадают маленькие найденыши из прошлого. Таких помещают в детские дома, приставляют к ним психиатров, чтоб не бредили, и дети быстро приспосабливаются – начинают говорить то, чего от них хотят взрослые, а потом уже и сами думают, будто прошлое им приснилось.

– Интересно, а заблудившиеся дети из будущего бывают?

И Ластику сразу захотелось, чтобы он оказался мальчиком из какого-нибудь 35 века. Просто он забыл про это, но сейчас, благодаря профессору, память у него восстановится, и он такого навспоминает!

– Думаю, что да, но это пока не более чем предположение. Наука, например, так и не установила, откуда берутся вундеркинды. И потом, я совершенно уверен, что среди великих ученых и первооткрывателей немало детей, которые забрели из будущего и воспользовались своим знанием.

Ластик взъерошил себе волосы, потрясенный этой идеей.

– Но тогда получается, что никто вообще ничего не изобретает! В будущем они уже знают про открытие, потому что оно было совершено раньше. А в прошлом открытие было сделано, потому что явился кто-то из будущего!

На это мистер Ван Дорн ничего не ответил, только с улыбкой показал кольцо: бронзовую змею, проглотившую свой хвост.

– Но хватит разговоров, а то вы, пожалуй, сочтете меня пустым фантазером. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Он на минутку вышел в прихожую и вернулся со своим саквояжем. Щелкнул блестящими замочками, запустил внутрь обе руки. Загадочно улыбнулся.

Ластик наблюдал, затаив дыхание. Что за чудо собирается показать ему профессор?

Профессор достал какой-то прибор, очень похожий на проигрыватель для компакт-дисков, только сверху, на круглой панели, располагался большой дисплей.

– Это хроноскоп. Аппарат, в память которого занесены все известные хронодыры. Например, вот так выглядит хроноскопическая карта Москвы…

Ван Дорн нажал кнопочку, и на экране появилась схема российской столицы. Город был весь испещрен белыми точками, особенно густыми в центральной его части.

– Даю увеличение, – промурлыкал профессор. – Скажем, район Белого Города, то есть нынешнего Бульварного кольца.

Масштаб сделался гораздо крупней, и стало видно, что точки мерцают, будто сквозь них просачивается свет.

– Нажимаешь стрелочкой на любую и получаешь точное местоположение с указанием числа и года, в который можно попасть.

– Как их много! – воскликнул потрясенный Ластик. – Сотни и сотни!

– На самом деле хронодыр гораздо больше, просто хроноскоп регистрирует лишь те из них, которые представляют практический интерес, то есть дыры-гиганты диаметром больше двадцати сантиметров. Кстати, вы позволите измерить вашу талию?

Ван Дорн извлек из саквояжа коробочку с клеенчатым портняжным метром, моментально обмотал ленту вокруг Ластика и удовлетворенно сказал:

– Угу.

А шестиклассник Фандорин все не сводил глаз с таинственно помигивающей карты Бульварного кольца.

– Где вы достали такой прибор?

– Что значит «достал»? – обиделся Ван Дорн. – Не достал, а изобрел. В свободное от поисков Райского Яблока время я возглавляю Королевский центр экспериментально-прикладной технологии. У меня, молодой человек, триста восемьдесят пять патентов на научные изобретения, я член пяти академий и восемнадцати ученых обществ. На сегодняшний день я самый главный в мире специалист по аппаратуре, исследующей Необъясненные Наукой Явления!

Впечатленный Ластик почтительно притих. Но тут ему вдруг вспомнилось, что у них в квартире тоже есть одна загадка, над которой семья Фандориных давно уже ломает голову.

– Ой, знаете, у нас на кухне тоже есть не поддающееся объяснению явление! – начал рассказывать он, готовый внести свой вклад в науку. – Если прижаться ухом к стене, слышно голоса. Будто кто-то ругается. Все время, без остановки!

Женщина и мужчина.

– А что, в России это редкость? – заинтересовался профессор. – Когда муж и жена все время ругаются?

– Да не в этом дело! Там, с той стороны, нет никаких соседей. Квартира стоит пустая, хозяева уехали работать за границу. Папа говорит, что, наверно, в стене трещина, и звуки по ней доходят с другого этажа, но все равно очень странно.

Профессор воинственно схватил хроноскоп:

– А вот мы сейчас проверим. Ведите меня, юный фон Дорн!

Исследовательская экспедиция проследовала по коридору на кухню.

– Вон в том углу, – показал Ластик, но профессор закрыл глаза и даже отвернулся.

– Нет-нет, не подсказывайте. Мой прибор не только регистрирует отверстия во времени, но и умеет их обнаруживать. – Профессор нажал кнопку, и карта Москвы исчезла с дисплея. Вместо нее в центре экрана возникла зеленая точка, от которой протянулась линия и медленно поползла по окружности. Внезапно она остановилась, точно указывая на тот самый угол, и из зеленой сделалась бледно-розовой. – Так и есть. Хронодырка, но совсем малюсенькая. Видите, луч едва окрашен? Ну-ка, что там у нас? – Ван Дорн нажал другую кнопку и прочел. – 31 марта 1968 года. Диаметр четыре миллиметра. Ничего интересного. Сюда разве что таракан пролезет.

– Так вот откуда они берутся! – ахнул Ластик. Мама вела затяжную войну против этих настырных тварей. Перепробовала все средства, даже вызывала бригаду спецобработки – ничто не помогало. Еще бы! Тараканы, оказывается, лезут из времени, когда мамы еще и на свете не было.

– Однако хватит о пустяках. Пора перейти к делу. Возвращаемся в комнату! – объявил Ван Дорн.

Они сели за стол, лицом к лицу. Профессор положил перед собой большую кожаную папку, но открывать ее не спешил. Ластик же сосредоточенно наморщил лоб, сложил перед собой руки – в общем, приготовился внимательно слушать.

– Москва представляет для меня интерес двумя хронодырами. – Голос профессора стал деловитым. – В дневнике ливонского посланника от 23 марта 1565 года содержится упоминание о некоем «алмазном яблоке», которое он видел во время аудиенции у царя Иоанна. Имеет смысл разведать – вдруг это наше Райское Яблоко? Я установил, что через одну могилу на Старом Донском кладбище можно попасть в 12 декабря 1564 года. Рановато, конечно. Придется три с лишним месяца продержаться в Москве времен Ивана Грозного, а это не очень приятно…

– Я не хочу к Ивану Грозному! – не выдержал Ластик. Если царь и в самом деле похож на директора Ивана Львовича… – И через могилу тоже не хочу! – добавил он, вспомнив страшную ночь на деревенском кладбище.

– Понадобится – полезете и через могилу, иначе вы не тот Дорн, который мне нужен, – сурово произнес профессор, но тут же улыбнулся. – Однако, надеюсь, что мы обойдемся без Средневековья. Вторая из московских хронодыр, связанных с Райским Яблоком, гораздо удобней и безопасней. Во-первых, как я вам уже говорил, она расположена в подвале этого дома. Ну не чудо ли? А еще чудесней то, что ведет она почти в точности туда, куда нужно: в 5 июня 1914 года. Это по старому стилю, вы ведь знаете, что до революции Россия существовала по юлианскому календарю, отстававшему от общемирового. Всего десять дней спустя, то есть 15 июня 1914 года, Камень был в Москве. У меня есть точное тому подтверждение. – Мистер Ван Дорн похлопал по кожаной папке. – В тот же самый день, 15 июня, в Сараево убили наследника австрийского престола, из-за чего разразилась Первая мировая война. Погибли миллионы людей, и больше всего русских. Полагаю, причиной этой катастрофы стало то, что кто-то опять попытался физически или химически воздействовать на Камень. Всякий раз, когда очередной невежа пилит Яблоко, пытается его огранить, или раскалить, или растворить в едком растворе, происходит какая-нибудь ужасная трагедия. Один я знаю, что именно нужно сделать с Камнем, чтобы он перестал губить мир!

Профессор наконец открыл свою папку и с торжественным видом выложил на стол цветную схему какого-то мудреного устройства. Ластик рассмотрел

картинку и решил, что это скорее всего мощный телескоп.

Но догадка не подтвердилась.

– Это трансмутационная пушка. Я работал над ней тридцать лет. В абсолютной секретности. Моя пушка может преобразовывать атомарную структуру обрабатываемого вещества. Средневековые алхимики называли подобный процесс Трансмутацией или Великим Превращением, а агент (то есть посредник), способный выполнить эту операцию, Магистериумом или Философским Камнем. Но попытки средневековых ученых создать Философский Камень ни к чему не привели. Без современных технологий и материалов, без сверхвысоких температур это совершенно невозможно. Я так и назвал свой агрегат: «Магистериум». С его помощью можно сделать то, о чем мечтали алхимики – превращать один металл в другой, например, свинец в золото. Но это неэкономично, процесс обойдется во много раз дороже полученной прибыли. И потом, меня не интересует золото. Меня интересует лишь одна трансмутация: Камня Зла в Камень Добра. Мой Магистериум совершит это! Надо только, чтобы Райское Яблоко попало ко мне в руки. Вы представляете, что будет, если Добра на свете станет на шестьдесят четыре карата больше, чем Зла? Люди перестанут беспричинно ненавидеть себе подобных, начнут слышать не только себя, но и окружающих, разучатся обижать слабых и обездоленных! Ни войн, ни преступности, ни жестокосердия! Ах, каким славным местом станет наш мир!

Увлекшись, мистер Ван Дорн так размахался руками, что сшиб со стола папину любимую настольную лампу – старинную, в виде крылатой богини, держащей в руке факел. Лампа грохнулась на пол. Мало того что лопнула лампочка и треснул стеклянный абажур, но у богини еще и отломилось крыло.

Спасители человечества мельком посмотрели на засыпанный осколками паркет и тут же забыли об этом несущественном происшествии.

– Короче говоря, – профессор перешел с возвышенного тона на энергичную скороговорку, – вы должны наведаться в Москву 1914 года и принести мне оттуда Райское Яблоко. Только и всего.

– Только и всего? – покачал головой Ластик. – Но если мне удастся это сделать и ваш Магистериум трамс… транс-му-тирует Яблоко, история последних ста лет сложится по-другому. Ничего этого не будет! – Он обвел рукой вокруг себя. – И

меня тоже не будет! И вас!

Ван Дорн снисходительно улыбнулся:

– Да будем мы, никуда не денемся. Подумайте хорошенько. Ведь трансмутация произойдет не в 1914 году, а сегодня. Прошлое изменить нельзя. Что было, то было. Но можно изменить будущее. И сделаем это мы, вы и я. Двое Дорнов. Если, конечно, вы согласны совершить этот подвиг во имя грядущего.

С одной стороны, Ластик, конечно, был согласен. Но с другой, ему сделалось страшно. Нет, не опасностей он испугался, а ответственности. Ничего себе – отвечать за будущее планеты!

– А вдруг я не справлюсь? – спросил он слабым голосом.

– Справитесь. Вы храбры, сообразительны, великодушны и удачливы. Опять же, не забывайте, что вы – фон Дорн, – гордо поднял седую бровь профессор. Потом неспешно, обстоятельно высморкался в платок с вышитыми буковками VD и совсем иным, будничным тоном прибавил. – К тому же никаких особенных подвигов от вас и не потребуется. Нужно всего лишь пролезть в дыру и наведаться в Сверчков переулок. Это ведь не так далеко отсюда?

– Минут десять пешком. Самое большее пятнадцать. Там рядом клуб «ОГИ», нас с Гелькой мама туда водила на детские утренники. А что я там должен сделать?

– Найти одного человека, передать ему от меня письмо и ответить на вопросы, если они возникнут. Этот человек добудет Райское Яблоко, передаст вам, вы вернетесь на Солянку, пролезете через хронодыру обратно и отдадите Камень мне. Только и всего. Разве трудно?

– Вообще-то не очень, – признал Ластик. – А этот человек точно сумеет достать Яблоко? Он кто?

– Ваш прадедушка, Эраст Петрович Фандорин. В 1914 году он снимал квартиру в Сверчковом переулке, в доме купчихи второй гильдии Матильды Коальсен.

И сразу перестало быть страшно. Наоборот, сделалось легко и радостно. Неужто он встретится с самим Эрастом Петровичем, которого папа называет «русским принцем Флоризелем»? С таким человеком нечего бояться. Он был сыщик от Бога – хладнокровный, решительный, не останавливающийся ни перед какими препятствиями. Можно не сомневаться, что, поняв важность задачи, Эраст Петрович сделает все как надо. Ластику достанется всего лишь роль рассыльного: передать письмо да доставить Камень обратно в двадцать первый век.

Ах, о скольком надо будет расспросить великого прадеда! Его биография полна темных пятен, бедный папа бьется над некоторыми из них всю жизнь. В первую очередь нужно будет выяснить про подводные экспедиции Эраста Петровича, потом про его жизнь в Японии и, конечно, про знаменитые нефритовые четки. А еще…

– Половина двенадцатого, – перебил понесшиеся вскачь мысли шестиклассника мистер Ван Дорн. – Пора. Мы потратили уже час. Я позвоню вашему отцу и скажу, что мы решили еще и заглянуть в Третьяковскую галерею. Но в любом случае мы должны будем вернуться не позже шести. У вас еле-еле хватает времени, чтобы дойти до Сверчкова переулка, поговорить с прадедушкой и дождаться его возвращения с Камнем. Будем надеяться, что нескольких часов Эрасту Петровичу хватит. Хотя, если моя гипотеза верна… – Он забормотал себе под нос что-то неразборчивое. Потом тряхнул головой. Поднялся. – Там видно будет. Вперед!

Профессор взял саквояж, надел плащ и шляпу, обмотал горло шарфом.

– В погребах холодно, а мне придется вас долго ждать. Если только… – и снова не договорил.

Ластик надел ботинки, натянул свою спортивную куртку замечательно переливчатого красного цвета с надписью Chelsea, нахлобучил бейсболку, и заговорщики спустились во двор, стараясь держаться поближе к стене дома – не дай Бог, еще папина секретарша случайно увидит из окна.

Подождали, пока к подворотне проковыляет бабушка из соседнего подъезда.

– Вперед! – подал команду Ван Дорн. – Следите за окнами. Если кто-то смотрит, дайте знать.

Ластик задрал голову и пробежал взглядом по этажам. Вроде никого.

Лязгнул замок, скрипнула решетка.

– Есть, – залихватски объявил профессор. – Быстро вниз!

Проскользнув в щель, Ластик сбежал по наклонному спуску в темное жерло подвала. Ван Дорн прикрыл дверь и последовал за своим юным сообщником.

Мощный луч фонаря осветил широкий захламленный проход, уводивший вперед, в черноту.

Ничего особенно таинственного в вожделенном погребе Ластик не обнаружил. Вдоль стен валялись лопнувшие покрышки и проржавевшие обода колес, уже знакомый кузов грузовика, кучи щебня, ржавый ковш растворомешалки.

– Поразительно, как этой недвижимости до сих пор не нашли полезного применения, – заметил мистер Ван Дорн.

– Папа говорит, что пробовали, но никак не разберутся, какая организация владеет подвалом. И потом, очень много денег нужно. Знаете, какая тут площадь? Чуть ли не…

– Я знаю, какая тут площадь, – сухо перебил профессор. – Я про эти подвалы знаю всё. Вы бы, Фандорин, лучше под ноги смотрели. Нам прямо и направо, в бывший склад мануфактурных товаров.

Шаги гулко отдавались под высокими сводами. Где-то размеренно капала вода. В темноте прошуршал кто-то юркий, проворный.

Но с мистером Ван Дорном шестикласснику было совсем не страшно. Один раз показалось, что сзади донесся шорох. Ластик обернулся, прислушался – нет,

вроде бы тихо.

Они прошли галереей, повернули направо и вскоре оказались в большом зале – свет фонаря не доставал до противоположной стены.

Первое, что заметил Ластик, – яркий и тонкий луч, вертикально пронзающий тьму и заканчивающийся на полу золотым кружком.

Профессор объявил:

– Смотрите! Это и есть лаз в 8 часов 35 минут утра 5 июня 1914 года!

Ластик кинулся вперед, поближе к лучу. Поднял голову. Рассмотрел на потолке освещенный квадратик стекла и чуть не взвыл от разочарования:

– Да нет же, нет! Профессор, вы ошибаетесь! Я знаю, что это такое, папа рассказывал! В центральном дворе доходного дома раньше был прозрачный пол, весь из плиток толстого стекла. Специально – чтобы внизу, на складе, было светло! Электричество сто лет назад стоило слишком дорого. Потом двор покрыли асфальтом, но в одном месте покрытие прохудилось, и видно стекло. Мы с ребятами в него сколько раз сверху заглядывали, фонариком светили. Темно, и ничего не видно. Неужто ваш хроноскоп ошибся?

Ван Дорн сосредоточенно рылся в саквояже.

– Мои приборы никогда не ошибаются. Скажите-ка мне, юный фон Дорн, какая сегодня погода? Пасмурная. Почему же тогда через стекло просачивается солнце? Я вам объясню. Согласно газетам, 5 июня 1914 года утро было жаркое и ясное. Это светит солнце 1914 года. И, пожалуйста, не отвлекайте меня. Я что-то не могу обнаружить лестницу. Ага, вот она!

Он достал плоский ящик, совершенно не похожий на лестницу. Щелкнул чем-то, и ящик сделался вчетверо длинней и вдвое шире.

– Вставайте сверху, – велел профессор, держа саквояж под мышкой. – Это одно из моих давних изобретений. Компактная самораздвигающаяся лестница. Обхватите меня за пояс, а то можете упасть.

У Ван Дорна в руке пискнул маленький пульт, и пол вдруг пополз вниз – Ластик от неожиданности ойкнул.

Нет, это не пол пополз – это стала подниматься крышка ящика.

– Ух ты, здорово!

– Там телескопический штатив из сверхпрочного и сверхлегкого полимерного материала, – рассеянно пояснил профессор, глядя вверх, на медленно приближающийся свод с ослепительно ярким квадратом. – Не вертитесь. Тут высота пять метров, а платформа не рассчитана на двоих. Знаете что? Давайте-ка лучше сядем. Сначала я.

Он осторожно сел, свесил ноги. Помог Ластику сделать то же самое.

Внизу была кромешная тьма, и казалось, будто чудо-лестница двигается из ниоткуда в никуда. В луче поблескивали пылинки.

– Приехали, – просипел профессор севшим от волнения голосом.

Снова пискнул пульт. Лестница остановилась. До стеклянного квадрата можно было достать рукой.

Ластик так и сделал – провел пальцем по толстому слою пыли. Свет стал еще ярче, но разглядеть что-либо все равно было невозможно.

– Сейчас, сейчас…

Мистер Ван Дорн протер стекло носовым платком, и стало видно синее, безоблачное небо. Неужели это и вправду небо 1914 года?

– Господи, как же я волнуюсь. Мне надо принять таблетку, – прошептал профессор. – Слушайте внимательно. Сначала вы совершите пробную вылазку. Ровно одна минута. Шестьдесят секунд. Ясно? У вас часы есть?

– Еще какие, – показал Ластик. – Мама на день рождения подарила. Можно на пятьдесят метров под воду нырять, и компас, и секундомер.

– Секундомер – это замечательно. Следите по нему: ровно одна минута, не больше и не меньше. Приготовьтесь! Сейчас я выну стекло.

Ван Дорн достал из саквояжа самую обыкновенную стамеску. Провел ею по краям стеклянного квадрата. Постучал в одном углу, в другом. Надавил, приподнял. Сверху дохнуло теплым летним воздухом.

– Кажется, никого. Как бы я хотел заглянуть туда! Но у меня слишком большая голова, не пролезет. – Профессор подождал еще с полминуты, прислушиваясь. – Да, похоже, что пусто.

Он просунул руку в отверстие, осторожно вынув и отложив стеклянную плитку в сторону. Уставился на собственную ладонь.

– Моя рука побывала в прошлом, – растерянно пробормотал профессор. – Какое неповторимое ощущение.

Встряхнулся, приходя в себя. Шепнул Ластику на ухо:

– С Богом! Включите секундомер. Помните: ровно одна минута!

Первый блин комом

Жмурясь от солнца, Ластик вылез из дыры и для начала поскорей поставил плитку на место. Выпрямился, быстро огляделся по сторонам.

Сначала ему показалось, что он не попал ни в какое прошлое, а просто оказался в центральном дворе собственного дома: те же серые стены, водосточные трубы, занавески на окнах.

Но сразу вслед за тем увидел, что двор тот, да не тот.

Подъездные двери сияют новенькими медными ручками, стены свежевыкрашены, а в подворотне, что ведет на улицу Забелина, лежат кругляши

конского навоза.

Вокруг ни души, только где-то неподалеку скребет метла.

Под ногами не асфальт – сплошь стеклянные квадраты, от стены до стены. Внизу смутно проглядывают штабеля ящиков, бочек, каких-то тюков. Только одна плитка, та самая, через которую вылез Ластик, мутная и непрозрачная, будто матовая.

Посматривая на часы, пришелец из двадцать первого века осторожно сделал несколько шагов. Все-таки поразительно, как мало тут все изменилось за девяносто лет. Разве что нет спутниковых тарелок на окнах, да с шестого этажа не грохочет магнитофон растамана Фили.

В этот момент Филино окно распахнулось, и механический голос пропел, ненатурально выговаривая слова: «Ты па-азабыл – и нэт тэбе прошчэнья», и потом что-то про расставание.

Наверно, проигрыватель, догадался Ластик. Такой смешной, с большой трубой. Граммофон – вот как они назывались.

Он втянул носом воздух, пытаясь определить, чем это пахнет – кисловатый, приятный, смутно знакомый запах.

Лошадьми, вот чем! Когда ходили с папой на ипподром, там пахло точно так же.

Папа говорил, что вдоль стены Ивановского монастыря раньше были конюшни.

Сбегать, что ли, посмотреть?

Оставалось еще целых полминуты. Если быстро – вполне можно успеть, хотя бы одним глазком.

Ластик мигом долетел до подворотни.

Точно! Из хозяйственных сарайчиков, куда дворники зимой запирают метлы, а летом лопаты для снега, торчали конские головы. Сладко пахло сеном.

Он подошел к большой, мохнатой лошади рыже-каштанового цвета. Она сочно хрупала чем-то (наверно, овсом) в привешенном к морде мешке. Покосилась на Ластика круглым глазом, тряхнула гривой, сгоняя большую золотисто-зеленую муху. На лбу у лошади была белая звездочка.

– Красивая какая, – прошептал Ластик. – И большущая. Тебя как звать?

Он осторожно дотронулся до гривы, погладил. Лошадь не возражала.

Вдруг сзади раздался злой, визгливый крик:

– А, шайтан жиганский! Сбруя тырить хочешь? Уздечка воровать?

И на спину Ластика обрушился удар метлой.

Это был дворник – в фартуке с бляхой, в черной плоской шапочке. Скуластое лицо, понизу обросшее клочковатой бородой побагровело от ярости.

– Вы что?! – отскочил ученик лицея с естественно-математическим уклоном. – Я же только посмотреть!

Дворник размахнулся еще раз, и если б Ластик вовремя не пригнулся, то точно получил бы метлой по физиономии, а так только бейсболка слетела.

– У, шайтан, красный рубаха! – орал сумасшедший дворник, опять занося свое орудие.

И стало ясно, что с этим дореволюционным обитателем не договоришься, надо уносить ноги.

Плохо только, что проклятый псих отрезал путь назад в подворотню. Ну да можно обежать вокруг дома и нырнуть в центральный двор через арку, тут же прикинул Ластик. Так и сделал – припустил вдоль конюшен.

Дворник за ним. Не отстает, ругается по-русски и по-татарски, а потом как дунет в свисток.

В окнах появилось несколько голов.

Какая-то тетка, высунувшись, крикнула:

– Цыганенок? Так его, Рашидка! Держи его, кудлатого! Лупцуй его, краснорубашечного! Пущай барынину шаль отдаст!

Дикие какие-то они все тут, в 1914 году. С чего они взяли, что он вор? И почему называют цыганенком? Из-за кудрявых волос, что ли?

Вести с этой публикой цивилизованные переговоры было бессмысленно.

Ластик повернул за угол. Отсюда был виден выход на Солянку, где нынче утром (то есть через девяносто лет) была (то есть будет) привязана злая собака. Оттуда навстречу бежал человек в белой фуражке, с саблей на боку.

– Чего свистишь, Рашидка? – кричал человек. – А, цыганок! Тот самый! Ништо, теперь под землю не провалится! Попался!

И растопырил руки, готовясь ловить беглеца, чтоб не проскользнул на улицу.

А Ластику и не надо было на улицу.

Он рванул направо, в арку, за которой находился центральный двор.

В секунду долетел до матовой плитки. Скорей, пока те двое не увидели, подцепил ее пальцами. Обдирая бока о тесные края, протиснулся вниз, бухнулся на что-то мягкое и задвинул квадрат на место.

Оказалось, «что-то мягкое» – это колени мистера Ван Дорна.

– Дай! – рванул тот Ластика за руку и остановил секундомер. Взглянул на циферблат, прошептал. – Феноменально!

– Я все испортил! – задыхаясь, принялся каяться Ластик. – Хотел только на лошадь посмотреть, а тут эти как налетят!

– Какие эти? – спросил профессор, сосредоточенно хлопая глазами и явно думая о чем-то другом.

Ластик рассказал, как на него накинулись двое ненормальных – один дворник, второй вообще с саблей.

– Вероятно, городовой, – кивнул Ван Дорн. – Так раньше называли милиционеров.

– Всё. Теперь мне обратно дороги нет. – Ластик повесил голову. – Они будут меня стеречь… Но я честное слово ничего такого не делал! Всё пропало, да?

Его глаза понемногу привыкли к полумраку, и Ластик увидел, что профессор вовсе не выглядит расстроенным. Совсем напротив – необычайно довольным.

– Ничего, мой юный друг. Как говорят русские, первый блин комом. Дворник – это чепуха. И никто вас наверху стеречь не будет. Вы ведь снова попадете туда ровно в 8 часов 35 минут. Во дворе будет пусто, вам не из-за чего расстраиваться. Зато есть причина радоваться. Знаете, сколько времени вы отсутствовали?

– Минуты две. Ну, может, три. Мне пришлось через другой двор бежать.

– Больше. Судя по вашим часам, экскурсия в 1914 год продолжалась триста восемьдесят шесть секунд. Должно быть, вы слишком засмотрелись на эту вашу лошадь. Отсюда же это выглядело так: вы вылезли в дыру, задвинули плитку и сразу же после этого прыгнули обратно, прямо мне на колени. У меня прошло… – Ван Дорн взглянул на свои замысловатые, с несколькими циферблатами часы. – Всего одна целая пятьдесят шесть тысячных секунды.

– Что это значит? – заморгал Ластик. – Я не понимаю.

– Это значит, что моя гипотеза подтвердилась! Время в настоящем и время в прошлом движутся с разной скоростью! Коэффициент составляет, с поправкой на физикодинамическую некорректность… – он потыкал кнопочки на часах, – примерно 365,25. Хм, это количество оборотов, которые Земля совершает вокруг собственной оси в течение года. Очень интересно! Это надо обдумать!

Он прищурился, немедленно погрузившись в какие-то, вне всякого сомнения глубоко ученые мысли. Ластика же поразило другое.

– Послушайте! Но ведь это здорово! – закричал он. – Значит, у меня в прошлом будет целая уйма времени! Я успею спокойно отыскать Эраста Петровича. Если надо, смогу его ждать – хоть день, хоть два, хоть целую неделю. Неделя 1914 года – это сколько по-нашему?

– Браво. Вы настоящий Дорн – сразу ухватили самое существенное. Ваша неделя для меня будет длиться всего двадцать семь с половиной минут, – посчитал на часах-калькуляторе профессор. – А я могу вас спокойно ждать и много дольше, часов пять. Вы правы, это открытие очень облегчает вашу задачу. Верней, задачу Эраста Петровича. Кроме того, это значит, что мы с вами можем без спешки заняться инструктажем и экипировкой.

Инструктаж и экипировка

Лестница поползла вниз, и минуту спустя они уже стояли на полу. Мистер Ван Дорн поставил фонарь, поколдовал над ним, и луч стал менее ярким, но более рассеянным, так что всё пространство вокруг осветилось.

Ученый окинул своего ассистента придирчивым взглядом.

– С брэкетами не очень удачно – сто лет назад таких, с замочками, еще не делали. Поменьше разевайте рот и не скальтесь. Брюки, пожалуй, сойдут. Ботинки тоже. Особенно приглядываться к вам никто не станет. А вот эту ужасную красную куртку придется снять.

Он достал из саквояжа аккуратно сложенную гимнастерку, фуражку с гербом, ремень.

– Надевайте.

Ластик застегнул металлические пуговицы и принялся разглядывать пряжку на ремне.

– Это я кто? Гимназист?

– Реалист. То есть ученик реального училища. В гимназии делался упор на изучение древних языков и гуманитарных дисциплин. А реалистам в основном преподавали естественные науки.

– Так это как мой лицей! – обрадовался Ластик. – У нас тоже естественные науки.

Ван Дорн, поморщившись, потрогал вьющиеся волосы новоиспеченного реалиста.

– Прическа нехороша. Приличные мальчики начала двадцатого века с таким вороньим гнездом на голове не разгуливали. Неудивительно, что вас приняли за цыганенка. Ничего, я это предусмотрел.

Из бездонного саквояжа была извлечена какая-то баночка. Профессор смазал Ластику волосы чем-то жидким, и те моментально утратили всю непокорность, стали гладкими, прилизанными. Расческой Ван Дорн сделал реалисту пробор ровно посередине макушки. Посмотрел и так и этак, остался доволен.

– С внешним видом всё. Теперь позвольте представить вашего главного помощника. Он выручит вас почти в любой ситуации.

В руках у профессора появилась старинная книжка в коричневом переплете. На обложке золотыми буквами было написано: «ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ГЕОМЕТРІЯ».

– Это унибук, то есть универсальный компьютер-ноутбук, замаскированный под гимназический учебник геометрии Киселева. Изготовлен моей лабораторией в единственном экземпляре, так что смотрите не потеряйте. Ронять можете сколько угодно – хоть в воду. Не разобьется и не отсыреет.

Ластик с любопытством открыл якобы книжку. Внутри она выглядела, как самый обыкновенный учебник: задачки, чертежи, теоремы. Потрогал страницу – бумага как бумага.

– А вы попробуйте, разорвите, – улыбнулся ученый.

Сколько Ластик ни дергал, страница не рвалась и даже не мялась.

– Это особый материал. Огнеупорный, водонепроницаемый, прочный. Запомните: вам нужна семьдесят восьмая страница, для удобства там закладка.

Профессор перелистнул унибук, сказал:

– Старт.

Напечатанный текст исчез, лист сделался совершенно белым.

– Это дисплей. Теперь вы можете дать унибуку задание и немедленно получите справку или ответ.

– Здорово! А где клавиатура?

– У этого устройства голосовое управление.

– И о чем же его можно спросить?

– Ну, предположим, вы заблудились. Говорите: «Карта Москвы 1914 года».

На странице немедленно появилась схема.

– Крупнее, – сказал профессор. – Южнее. Теперь западнее. Если вы видите табличку с названием улицы, но не знаете, где это – прочтите название вслух. Карта тут же укажет местоположение улицы. Но это еще что! Вам может попасться какой-то предмет, назначение которого вам непонятно. Или вышедшее из употребления слово. Реалии, идиома – что угодно. Спрашивайте унибук – он поможет.

– «Реалии», «идиома», – шепнул в сгиб учебника Ластик.

Экран снова побелел, и вместо карты на нем возник текст:

РЕАЛИИ – предметы или обстоятельства, характерные для данной эпохи, местности, уклада жизни.

ИДИОМА – устоявшийся оборот речи, значение которого не совпадает со значением входящих в него слов; например, «остаться с носом» или «несолоно хлебавши».

Ага, понятно.

– Если вы произнесете слово «хроноскоп», унибук перейдет в соответствующий режим – покажет все расположенные поблизости хронодыры. Помните: чем больше диаметр дыры, тем интенсивнее красный цвет луча. Впрочем, для вашей прогулки в Сверчков переулок эта функция не понадобится.

Ластик не сводил глаз с чудо-компьютера.

– А что он еще умеет?

– Многое, очень многое. Долго перечислять. Ну, например, в него встроен синхронный переводчик со всех языков и диалектов, как живых, так и мертвых. Вы просто поворачиваете книгу обложкой к говорящему, полминуты или минуту синхронист распознает лингвокод и настраивается на голос, а потом вы просто читаете на дисплее перевод.

– Вот это да! А если взять унибук в школу, на урок алгебры или…

– Не отвлекайтесь! – прикрикнул на размечтавшегося родственника мистер Ван Дорн. – Мы еще не закончили. Вот вам кошелек. Там несколько купюр, серебряная мелочь и полуимпериал – его спрячьте отдельно, на случай экстренных расходов.

– «Полуимпериал», – шепнул в книжку Ластик, пряча деньги в карман.

Унибук моментально выдал справку, да еще с картинкой:

ПОЛУИМПЕРИАЛ – русская золотая монета в 5 рублей (ок. 6 граммов чистого золота).

– Ну, а теперь самое главное.

Мистер Ван Дорн отобрал «Элементарную геометрію» и захлопнул ее.

– Вот письмо, которое вы передадите Эрасту Петровичу Фандорину. Здесь вся информация, которая ему может понадобиться. Краткая история Райского Яблока, мое пояснение, перечень войн и катастроф 20 века. Ксерокопия вырезки из газеты «Московский наблюдатель» от 16 июня 1914 года. Прочтите-ка.

Сощурив глаза (свет фонаря все-таки был слабоват), Ластик стал читать.

Вот это фокусъ!

Вчера въ дом? почтеннаго генерала Н., ветерана китайской и японской кампаній, произошла дерзкая кража. По случаю дня рожденія своей 11-л?тней дочери хозяинъ пригласилъ ея маленькихъ друзей и устроилъ представленіе. Передъ д?тьми и ихъ родителями выступалъ фокусникъ синьоръ Дьяболо Дьяболини, хорошо изв?стный московской публик?. По ув?реніямъ очевидцевъ, зр?лище было настолько захватывающимъ, что никто не зам?тилъ, когда именно свершилось злод?яніе. Нашему корреспонденту удалось выяснить, что изъ шкатулки съ драгоц?нностями похищенъ знаменитый Радужный Алмазъ в?сомъ въ 64 карата, пекинскій трофей его превосходительства. Магъ и его ассистентъ итальянскій мальчикъ Пьетро съ м?ста происшествія таинственнымъ образомъ исчезли. Полиція ведетъ разсл?дованіе.

– Камень украл этот, как его, синьор Дьяболини, да? – взглянул на ученого Ластик.

– Вне всякого сомнения. Я вложил в конверт свой комментарий. Там имя генерала, его адрес, а также описание последующего хода событий. Фокусника и его ассистента полиция так и не нашла. Алмаз, разумеется, тоже. Да и не до того было. Вскоре разразилась всемирная война. И газеты, и полиция попросту забыли об этом мелком преступлении. Мелком, – горько усмехнулся Ван Дорн. – Знали бы они… Вы обратили внимание: из шкатулки похищен лишь Радужный Алмаз? Значит, других драгоценностей вор не взял. О, это не обычная кража! Вор охотился именно за Райским Яблоком. И как вам нравится имечко «Дьяболо Дьяболини»? Что за насмешка, что за издевательство! Будто сам дьявол задумал выпустить из ларца злую силу, которая обрушится на двадцатый век ураганом войн и катастроф!

Профессор схватился за сердце – вот как разволновался. Немного отдышавшись, строго сказал:

– Скажите Эрасту Петровичу: он должен во что бы то ни стало опередить мага. Забрать Яблоко раньше.

– Забрать? В смысле украсть?! – Ластик покачал головой. – Мой прадедушка не станет воровать, ни за что на свете.

– Молодой человек! – вскричал Ван Дорн оскорбленно. – Я убежденный сторонник принципа частной собственности! Никогда, вы слышите, ни-ко-гда я не брал чужого и не стал бы никого к этому склонять! Но Райское Яблоко – не частная собственность. У этого предмета нет и не может быть владельца. Вернее, оно принадлежит всем людям, и мы, Дорны, вернем его человечеству!

– А как же генерал Н.? – все еще колебался Ластик.

– Вот он-то как раз и украл Яблоко! Я установил, что до разграбления Пекина европейско-американско-японскими войсками в августе 1900 года Камень принадлежал мандарину Ли Синю…

– Как это «принадлежал мандарину»? – не понял Ластик, но профессор отмахнулся, так что пришлось обратиться за помощью к унибуку. Тот не подвел.

МАНДАРИН – съедобный плод цитрусового дерева.

От португ. mandarim – советник. Так европейцы называли представителей чиновничества в императорском Китае. Чиновники подразделялись на 9 классов, в каждом из которых была младшая и старшая степень.

А Ван Дорн тем временем рассказывал дальше:

– Но и семейству Ли чудесный алмаз достался скверным путем. Дед Ли Синя, губернатор провинции Гуандун, отобрал Камень у капитана Бартоломью Дредда, торговца опиумом. Ну, а Дредд и вовсе был пират. Одному Богу известно, кого он убил или ограбил, чтоб завладеть Яблоком. Так что о моральной и юридической стороне дела, мой благородный друг, вы можете не беспокоиться. Равно как и ваш достойный прадед, в письме к которому все эти факты изложены. Держите. – И профессор сунул Ластику письмо за пазуху. – Затяните ремень потуже, чтоб не выпало. Золотую монету спрячьте за пряжку, это будет ваш неприкосновенный запас. Вот так. Ну, – он вздохнул, сдерживая волнение, – инструктаж и экипировка окончены. Пора. Сразу же ступайте в Сверчков переулок, ни на что не отвлекайтесь.

– Только бейсболку подберу, мне ее папа подарил. Она около конюшни валяется.

– Не тратьте время попусту. Вашей шапки там нет.

– А где же она?

– В Несбывшемся. Что туда попадает, назад не вернуть. Но про Несбывшееся я вам как-нибудь потом расскажу. Надо спешить. Это в прошлом время тянется медленно. А у нас уже почти половина первого.

Профессор и его помощник встали бок о бок на платформу лестницы, начали подниматься.

– Идите через Старосадский переулок, – велел мистер Ван Дорн, обнаруживая отличное знание района. – Не вздумайте свернуть на Хитровку. В 1914 году это было чрезвычайно криминальное место. В Сверчковом переулке войдете в

старые железные ворота, повернете во двор, там будет крыльцо в четыре ступеньки… Ну, вперед! В ваших руках честь рода Дорнов и будущее человечества!

С этим напутствием Ластик полез в дыру во второй раз.

Вчера

Вот тебе и бламанже

Наверху всё было точь-в-точь, как в прошлый раз. Так же скребла где-то метла, так же открылось окно растамана Фили и завыл противный женский голос, только теперь Ластик лучше разобрал слова:

Ты па-азабыл – и нэт тэбе прошчэнья —

Нешчастный дэнь, когда рассталис мы…

Чтоб попасть в Старосадский переулок, нужно было идти той же самой подворотней, мимо конюшен.

Поколебавшись, Ластик быстрым шагом пошел вперед. Знакомая лошадь в стойле тряхнула головой, сгоняя со лба ту же самую муху.

Но на сей раз Ластик был настороже и сразу заметил дворника. Тот стоял спиной, прилаживая к палке растрепавшуюся метлу.

Пришелец из будущего поднялся на цыпочки, чтоб незаметно прокрасться мимо грозного Рашидки, но не вышло. Буян оглянулся на шорох, и у Ластика внутри всё похолодело. Неужто снова по двору бегать?

Однако дворник посмотрел на реалиста безо всякой враждебности, только спросил:

– От Логачевых, что ли?

– Угу, – кивнул Ластик и скорей-скорей, от греха подальше, зашагал в сторону улицы Забелина (интересно, как она в 1914 году называлась?).

Надо же, и улица почти совсем не изменилась. Вон и Владимирская церковь на горке, и монастырская стена. Правда, мостовая не асфальтовая, а булыжная, и ступать по неровным камням с непривычки трудновато.

Хотел Ластик сразу повернуть в Старосадский, как велел Ван Дорн, честное слово хотел, но как же было хоть одним глазком не посмотреть на ужасную Хитровку, о которой столько рассказывал папа?

Там, в лабиринте темных дворов, в гнилых подвалах и бандитских кабаках своя жизнь, свои порядки. Это особый город внутри города. Живет по своим правилам и законам.

«На одну минуточку, только на одну, а то потом пожалею», – сказал себе реалист Фандорин. И, конечно, повернул-таки в Малый Ивановский переулок.

Ничего особенно страшного там не увидел, даже обидно стало. Бандиты в хромовых сапогах и надвинутых на глаза кепках по переулку не разгуливали, воришки с бегающими глазами не шныряли. В этот утренний час на Хитровке вообще было как-то пусто и сонно.

Дома, конечно, выглядели просто ужас как: стены грязные, стекла повыбиты, а не подметали тут, наверно, лет сто или двести.

На том же самом углу, где Ластик встретил бомжа Миху, и почти в точно такой же позе сидел бородатый оборванец, по пояс голый, в одних драных портках. Спит?

Один глаз приоткрылся, мутно оглядел реалиста.

– Крест пропил. Во как, – как бы сам себе удивляясь, сообщил оборванец, и веко снова опустилось.

А во дворе, кажется, происходило что-то интересное. Там толпились люди, размахивали руками, кричали. Причем не ссорились, не дрались, а за чем-то наблюдали, наседая друг на друга.

– Наддай, Рыжуха! Не выдавай! – истошно заорал кто-то, и все остальные тоже завопили, заулюлюкали.

Что это у них там?

Ластик подбежал, запрыгал, пытаясь заглянуть поверх спин – не вышло. Тогда ввинтился в толпу, стал протискиваться вперед.

Фу, какая гадость!

В большом ящике сцепились две крысы, одна серая, другая рыжеватая.

Со всех сторон неслось:

– Пятак на Рыжуху! Гривенник на Серого!

В большую кружку сыпались монеты. Рядом сидел на корточках безногий инвалид, кивал игрокам в знак того, что ставка принята.

Ластик попятился назад. Еле протолкался. Поправил ремень, подтянул штаны – и вдруг замер. Сунул руку в карман – так и есть! Кошелек пропал! Вот она, Хитровка.

Оглянулся на галдящую толпу, но разве сообразишь, кто тут вор? Да если и сообразишь, то что? Сам виноват, нечего было соваться.

В конце концов, на что ему кошелек? То есть, конечно, имелась у Ластика одна мысль. Пока Эраст Петрович будет добывать Райское Яблоко, можно было бы сбегать на Почтамт и купить почтовых марок. Сам-то он марки не собирал, но вот одна уже упоминавшаяся особа с соседней парты коллекционировала,

причем именно старинные. Если ей подарить набор гашеных и негашеных марок из 1914 года, может, она, наконец, обратит внимание на то, что на свете существует человек по имени Эраст Фандорин, пускай небольшого роста и с брэкетами на зубах, но не лишенный некоторых достоинств? Вот на что должны были пойти деньги из украденного кошелька.

Унося ноги из нехорошего квартала, Ластик всё вздыхал по поводу утраты, но потом вспомнил о спрятанном золотом. Сунул пальцы за пряжку. Ура! Полуимпериал был на месте. Ну, значит, будут и марки.

В Колпачном переулке было гораздо чище, чем на Хитровке. Мимо ехали коляски, некоторые очень красивые, сияющие полировкой. Одна из них, с ярко-алыми спицами остановилась. Молодой мужчина в смешной шляпе с узенькими полями крикнул с козел:

– Чего, барич, зря подметки топчешь? Садись, докачу. Если не дале Лубянки, двугривенный всего.

Лошадь у него была – просто заглядение. В гриву вплетены разноцветные ленты, копыта сверкают лаком, а сиденье красного бархата.

Ластик поскорей открыл семьдесят восьмую страницу, шепнул: «Двугривенный».

Унибук доложил:

ДВУГРИВЕННЫЙ – монета достоинством в 20 копеек. До 1911 года чеканилась из серебра, затем из медно-никелевого сплава.

– Чего в книжку уставился? – заманивал извозчик. – Не сбежит твоя учеба. Эх, гори оно огнем, давай за гривенник, себе в убыток! Для почину, первый нонешний седок будешь.

Но не было у Ластика ни двугривенного, ни гривенника. А то можно было бы прокатиться до Сверчкова переулка лихо, с ветерком. И время, потраченное на

Хитровку, наверстал бы.

– Спасибо, – вздохнул Ластик. – Я пешком, мне близко.

Еще раз пожалеть о кошельке довелось на углу Покровки. Пока шел вверх по крутому переулку, весь взмок. Несмотря на ранний час, солнце жарило вовсю. Ластик снял фуражку, обмахивался ей, словно веером.

Покровка и в 1914 году, оказывается, была улицей людной. Экипажи ехали один за другим, и прохожих было полным-полно, все одеты, как в кино: у мужчин высокие жесткие воротнички, женщины в шляпках и с зонтиками, платья длиннющие, до самой земли.

А на углу Потаповского, где теперь газетный киоск, стоял мороженщик в белом фартуке и нарукавниках.

– Землянично-клубнично-клюквенно! – звонко кричал мороженщик, постукивая ложкой о свою тележку. – Бламанже, какава, дюшес, тутти-фрутти! Две копейки кругляш, с вафлей три!

Ужасно захотелось Ластику антикварного мороженого. Папа говорил, что в старину оно было очень вкусное, безо всякой химии.

Выудив заветный полуимпериал (марки можно купить и на сдачу), пришелец сказал:

– Один тутти-фрутти и один бламанже. В вафле.

Нарочно выбрал мороженое позаковыристей, какого нет в Москве XXI века.

Мороженщик покосился на золото, но монету не взял:

– Куды желтяк суешь? Сдачи нет, не расторговался. Ты б еще сотенную сунул!

Ластик сглотнул слюну.

– Скажите пожалуйста, а где тут обменный пункт?

– Чево? – подозрительно уставился на него продавец.

И пошел Ластик дальше. Вот тебе и бламанже.

Надо сказать, что и Покровка за век не очень-то переменилась. Разве что пропала большая красивая церковь, на месте которой теперь стоит большой скучный дом. Ну и вывески, конечно, совсем другие. К примеру, на месте нынешней чебуречной – кондитерская с красивым названием «Шик де Пари».

Напротив витрины, украшенной изображением огромного эклера, остановилась коляска. На тротуар спрыгнул кавалер в плоской соломенной шляпе с черной ленточкой. Подал руку барышне – она была в платье, сплошь покрытом крошечными бантиками, на ногах высокие ботинки со шнуровкой, на голове широченная шляпка с искусственными цветами и вишенками. Оба совсем молодые – по современным меркам, класса из десятого.

Ну и утеплились, по такой-то жарище, подумал Ластик, пожалев их, особенно парня. Тот был в пиджаке, а внизу еще жилет и рубашка с колючим крахмальным воротником, галстук. Как только не употеет!

Но когда поровнялся с парочкой и потянул носом воздух, понял, что ошибся. Употели, и еще как – даже густой аромат одеколона не забивал запаха.

Как же им, бедным, нелегко жилось-то в 1914 году!

Кавалер приподнял свою смешную шляпу (блеснул пробор – такой же намасленный, как у реалиста Фандорина), согнул руку бубликом:

– Милости прошу обпереться об мой локоть, драгоценная Евлампия Бонифатьевна.

Ластик был уверен, что девушка рассмеется в ответ на это шутливое обращение, но та церемонно кивнула:

– Мерси, Пантелей Кондратьич, беспременно обопрусь.

И оба чинно, торжественно проследовали в кондитерскую.

Вот бы у нас в лицее все так разговаривали, принялся мечтать Ластик. Входит он в класс и говорит Мишке: «Драгоценный Михаил Бонифатьевич, милости прошу не обпираться вашим локтем об мою половину парты».

В мечтах и не заметил, как миновал Потаповский переулок и повернул в Сверчков.

Профессор сказал: железные ворота, повернуть во двор, крыльцо в четыре ступеньки…

Вон они, ворота. Столбы от старости вросли в землю. Неужели здесь живет Эраст Петрович Фандорин?

Сердце Ластика заколотилось, как бешеное. Он разом забыл о пустяках и побежал вперед, спасать честь Дорнов и будущее человечества.

«Сево надо?»

На двери сияла ярко начищенная табличка. На ней только имя, без звания, без указания профессии.

Эрастъ Петровичъ ФАНДОРИНЪ

Ластик поднес палец к кнопке звонка, но нажать не решился.

Неужели он сейчас наяву увидит элегантного брюнета с седыми висками – того самого, с портрета? Правда, там Эраст Петрович молодой, а в 1914 году ему уже… сколько? Он родился в 1856-м, значит, целых 58 лет. Наверно, совсем седой.

Что же ему сказать-то? Здравствуйте, я ваш правнук?

Нет, лучше ничего не говорить, а сразу протянуть письмо. Надо думать, мистер Ван Дорн там всё что нужно объясняет.

Ластик сунул руку за пазуху. Похолодел.

Конверта с бумагами не было! То ли вывалился по дороге, то ли, что вероятней, вытащили хитровские ловкачи – подумали, деньги.

Беда!

Что делать?

Попробовать объяснить самому? Но разве Эраст Петрович поверит мальчишке-реалисту, несущему фантастическую чушь? Кто вообще в такое поверит! А в конверте были и факты, и доказательства… Ох! Там ведь еще было имя и адрес генерала, у которого хранится Яблоко!

Ничего не попишешь, придется возвращаться к профессору. Пусть приготовит новый конверт. До чего же стыдно! Паршивый из Ластика получился фон Дорн…

Он понуро развернулся, собираясь спуститься по ступенькам, но дверь вдруг взяла и отворилась.

На Ластика смотрел невысокий, крепко сбитый человек с раскосыми глазами. Коротко стриженные волосы, черные с проседью, торчали, как иголки у ежа.

– Сево тортишь перед дверью, марьтик реарист? – спросил азиат с мягким акцентом, черные глазки подозрительно сощурились. – Минуту тортишь, две тортишь, пять тортишь. Кто такой? Сево надо?

Это же японец Маса, верный помощник Эраста Петровича, догадался Ластик. Он «л» не выговаривает, как и половину остальных букв.

– Вы – Маса? – пролепетал Ластик.

– Кому Маса, а кому Масаир Мицуевич, – строго поправил японец и прищурился еще больше. – Чебя кто присырар?

Эх, была не была, решился Ластик. В конце концов, если не поверят, можно будет заявиться снова. Из будущего-то? Да хоть тысячу раз.

– Мне бы Эраста Петровича Фандорина. Он дома?

Маса молчал, цепко разглядывая реалиста. Выражение лица постепенно смягчалось – кажется, мальчик ему чем-то понравился.

– Господзина нету. Уехар.

Ластик не очень-то и расстроился. Все равно за письмом возвращаться.

– Скоро вернется?

– Терез две недери.

Как через две недели?! Но это же… Это поздно! Камень уже украдут!

– Как через две недели?! – в голос закричал Ластик. – Но это же поздно! Ка… – Он поперхнулся. – Как его разыскать? Он мне очень-очень нужен!

– Когда господзин уезяет одзин и дазе меня не берет, разыскачь его нерьзя. Совсем нерьзя, – покачал головой Маса и тяжко вздохнул. – Приходи терез две недери, марьтик реарист.

И закрыл дверь, уныло сверкнувшую медной табличкой.

Совсем караул

Обратно Ластик брел, не глядя по сторонам, и думал только об одном: это крах, полный крах. Должно быть, Эраст Петрович занят каким-нибудь важным

расследованием, до того секретным, что даже верного помощника с собой не взял.

Как это некстати! Без великого сыщика Райское Яблоко добыть не удастся. Значит, с 1914 годом ничего не выходит. Неужто профессор заставит отправиться во времена Ивана Грозного, да еще через могилу? Бр-р-р…

Весь во власти печальных мыслей, Ластик сам не заметил, как вышел на Маросейку. Перебежал на другую сторону, благо никакого светофора на перекрестке не было, и собирался нырнуть в переулок, как вдруг услышал, совсем близко, визгливый крик:

– Вор! Держи вора! Сударь, он у вас часы вытащил!

Пузатый господин в белом полотняном пиджаке обернулся, захлопал себя по карманам.

А кричал другой – долговязый, в темно-синей форме без погон и фуражке с кокардой (чиновник, догадался Ластик).

Чиновник показывал пальцем на мальчишку, топтавшегося подле толстяка. Это был смуглолицый, кудрявый паренек в красной рубашке из переливчатого шелка. Он запросто мог бы убежать, но вместо этого скорчил плаксивую физиономию и закрестился:

– Брешете, дяденька! Не брал я, вот те крест святой!

– Нету часов! – ахнул пузатый. – Золотых! С боем! «Павел Буре»! Держи его!

И крепко схватил черноволосого мальчишку за ворот.

– Не брал я! – надрывался тот. – Как можно – чужое брать!

– Да они у него в кулаке зажаты! – показал синий. – Я видел!

Вокруг собралась кучка зевак, но почти сразу же и рассосалась. Похоже, поимка воришки здесь была делом обычным и неинтересным. А Ластик задержался – он

такое раньше только в кино видал.

Предполагаемый карманник разжал кулак – в нем ничего не было. Показал второй – тоже пусто.

– Но… Но я собственными глазами видел! – растерялся чиновник. – Клянусь вам!

Толстяк заозирался по сторонам, крикнул:

– Полиция! Полиция! Вот черти, когда надо – не дозовешься.

Но это он ошибся. От церкви, придерживая саблю, бежал милиционер, то есть городовой. Не тот, которого Ластик видел во дворе своего дома, – другой.

Пострадавший и свидетель, перебивая друг друга, принялись излагать, как было дело. Мальчишка помалкивал – только всхлипывал и размазывал по лицу слезы.

Ластику стало его жалко. Может, синий ошибся?

– Обыскать его, мерзавца! – потребовал владелец часов. – Запрятал куда-нибудь.

Городовой кивнул:

– Это мы мигом!

И взялся за дело.

Присел на корточки, принялся ощупывать паренька.

Тот бубнил, давясь рыданиями:

– Грех вам, господа, сироту обижать.

Слезы из его глаз лились прямо ручьем.

Страдалец встретился с Ластиком взглядом и вдруг отчебучил: оскалил зубы, между которыми блеснул кончик золотой цепочки, да еще подмигнул, но слезы при этом течь не перестали.

– Нету, господа, – объявил городовой. – У меня рука хваткая. Были бы – сыскал бы.

– В участок его. Тряхнуть как следует, – потребовал толстяк.

И чиновник тоже не унимался:

– Я, слава богу, в здравом уме и на зрение не жалуюсь. Может, он за щеку сунул?

– А ну, разинь рот! – велел мальчишке полицейский.

Сам раздвинул ему губы, полез своими толстыми пальцами. Всё, пропал, подумал Ластик, морщась.

– И во рту нету. – Городовой развел руками. – Прощения прошу, господа, но, похоже, обмишурились вы. В участок сопроводить не могу, потому против закону. За отсутствием присутствия покраденного предмета.

Взял под козырек и воришку выпустил. Тот, не дожидаясь конца препирательств, дунул за угол Петроверигского переулка. И только теперь, глядя в спину убегающему, Ластик сообразил. Цыганенок! Красная рубашка! Кудлатый! Уж не за этого ли жулика принял его дворник Рашид?

Бросился следом за ловкачом. Во-первых, через Петроверигский тоже можно было попасть к Солянке. А во-вторых, любопытно – куда ж он часы-то дел?

В переулке мальчишки не было. Как это он взял да исчез?

Ластик растерянно прошел несколько шагов, и вдруг из-за водосточной трубы навстречу ему выскочила фигурка в красной рубашке.

– Ты чего за мной ушился?

Черные глаза смотрели угрожающе. Парнишка оказался одного с Ластиком роста, но, пожалуй, года на два постарше.

– Ты куда часы дел? – шепотом спросил Ластик и оглянулся. – Они ж у тебя во рту были!

– Сглотил, – могильным голосом ответил мальчишка. – Теперя вот помираю. Все кишки цепкой перемотало. Слышь, как из брюха тикает? Прощай, белый свет. Прощайте, люди добрые. Не поминайте лихом бедного сиротку. Ой, ой!

Согнулся пополам, жалостно застонал.

– Врача надо! – вскинулся Ластик. – «Скорую помощь» или как она тут у вас называется! Я сейчас!

Повернулся бежать на Маросейку, но воришка схватил его за рукав.

– Куды, скаженный? Глянь, чего покажу.

Он засунул себе пальцы в рот – глубоко, по самое запястье. Вытащил – между большим и указательным была зажата цепочка. Потянул – и между зубов появилась золотая луковица, влажно заблестела на солнце.

– Правда проглотил! – ахнул Ластик.

– Это что. Я, если надо, могу полшпаги проглотить, – похвастался трюкач, вынув часы изо рта. Протянул пятерню. – Поручкаемся? Петух.

Когда Ластик понял, что мальчик так знакомится и что Петух – это его кличка, то ответил на рукопожатие и улыбнулся:

– А я Эраст.

– Ух ты, на кой у тя железки во рту? – уставился на брэкеты Петух.

– Это чтобы зубы выпрямились.

– А-а. Слышь, Эраст-грош-подаст, у тя звон есть?

– Что?

– Ну, деньги есть? С утра не жрамши, пузо подвело.

Такому только покажи золотую монету, подумал Ластик и помотал головой.

– Беда, – вздохнул Петух, садясь на корточки и обтирая мокрые часы об штанину. – Я коли перед атандой не пожру, в нутре урчит – жуть до чего громко. Чертяка мне за это ухи дерет. А паллукич магар еще когда отдаст.

В этой реплике Ластик не понял ничего. То есть совсем.

Пользуясь тем, что воришка занят разглядыванием добычи, открыл унибук и зашептал в него.

На слово «атанда» компьютер отреагировал тремя вопросительными знаками, на «паллукича» тоже. Только про «магар» сообщил:

МАГАР – на воровском жаргоне конца 19 – начала 20 века «добыча, доля в добыче».

– Ты чё это шепчешь? – подозрительно спросил Петух. – Чё у тя там, в книжке? А ну покажь.

Ластик перелистнул страницу, показал:

– Да ничего, просто учебник. А кто это – пал-лукич?

– Пал Лукич. Пес лягавый, что меня шмонал. Чай не за христа-ради отпускает. Я ему хабар, – (Петух показал на часы), – он мне магар. Жадный только, сволочь. Мало дает.

Он всё не сводил глаз с учебника.

– Хорошая книжка. Не драная. Слышь, Эраст-ушаст, толкнем ее, а?

– В каком смысле?

На всякий случай Ластик спрятал унибук за спину.

– Ну, на толкучку снесем. Я человека знаю, он полтинник даст. Да хоть бы двугривенный. Пирогов с требухой потрескаем, кваску попьем. Я вижу, ты парень свой, хоть и гимназер.

Тут Ластик и вовсе насторожился.

– Я не гимназист, я реалист. А без учебника мне нельзя.

Петух презрительно сплюнул:

– Реалист – в брюхе глист. Эх ты, жадюга кривозубый.

И вдруг щелкнул Ластика по носу, да так больно, что в глазах потемнело. А подлый воришка выдернул из руки ошеломленного собеседника книгу и пустился наутек – обратно, в сторону Маросейки.

– Стой, гад! Отдай! – закричал Ластик.

Кинулся вдогонку, утирая рукавом сочащуюся из носа кровь.

Внезапно Петух и вправду остановился. Наверно, сообразил, что на Маросейке скорее всего еще стоят те двое, толстяк и чиновник. Новый скандал ему ни к чему.

Обманщик вынул из кармана какой-то блестящий шарик, с размаху швырнул его себе под ноги. Полыхнула вспышка – такая яркая, что Ластик зажмурился. А когда снова открыл глаза, увидел лишь густое облако ярко-розового дыма. Петуха не было.

Что за чудеса! Ластик вспомнил, как городовой тогда во дворе кричал: «Ништо, теперь под землю не провалится!» А Петух и вправду – взял да исчез.

Приехали… Мало того, что Эраста Петровича нет, так еще унибук пропал.

Это уж совсем караул.

Любимцы публики

Все же выбежал на Маросейку. Синего чиновника и господина в белом пиджаке не было, а вот Петух, оказывается, ни под какую землю не провалился – впереди мелькала красная рубашка, быстро перемещаясь в сторону Политехнического.

Ластик бросился следом.

Угнаться за Петухом, ловко рассекавшим негустую толпу, оказалось непросто. Не отстать бы, и то хорошо.

Воришка оглянулся, заметил погоню и припустил с удвоенной скоростью. Ластик стиснул зубы, соскочил на мостовую, чтоб не мешали прохожие. Упускать унибук было никак нельзя.

Вот и площадь, где Политехнический музей, сквер и памятник героям Плевны. Музей и памятник были на месте, сквер тоже, но за ним, до самой Солянки, раскинулся рынок – обширное пространство, сплошь забитое прилавками, навесами и маленькими палатками, над которыми возвышался огромный полосатый шатер. А напротив, заслоняя Китай-город, высилась зубчатая крепостная стена.

Однако разглядывать пейзаж было некогда. Красная рубашка ввинтилась в торговые ряды, и теперь уследить за ней стало еще трудней.

Еще минута, и Ластик потерял бы вора из виду, но, по счастью, Петух не попытался затеряться в рыночной толкучке. Он повернул к шатру, со всех сторон украшенному разноцветными флажками, прошмыгнул мимо бородатого

привратника в красной с золотом ливрее и исчез внутри.

Над входом помигивала лампочками гигантская вывеска ЦИРКЪ-ШАПИТО. Что такое «шапито», Ластик не знал, а заглянуть за справкой было некогда. Да и некуда.

Он тоже хотел с разбега пронестись мимо нарядного служителя, но не вышло. Бородач ухватил реалиста за ворот гимнастерки.

– Куда? Представленье уже началось.

Изнутри и в самом деле доносилась веселая, разухабистая музыка. Дудели трубы, грохотал барабан, донесся чей-то зычный голос, и сразу был заглушён шумными аплодисментами.

– Пустите! – закричал Ластик. – Я куплю билет! У меня деньги есть! Только скорей, пожалуйста!

– Местов нет. Аншлаг. Если желаете билетик на завтра – пожалуйте в кассу.

Но Ластик уже достал из-за пряжки заветный полуимпериал.

– Вот. Сдачи не нужно. Ну пожалуйста!

– Давай. – Швейцар, оглянувшись по сторонам, цапнул монету. – Только местов правда нет. Где-нигде приткнись.

А Ластику и не надо было «местов».

Влетев в шатер, он лишь мельком взглянул на арену – не до нее было.

Там, посреди круглой, посыпанной желтым песком площадки, сидел тощий-претощий лев, все ребра видно, и разевал пасть, а длинноусый дрессировщик изображал, что ужасно боится совать в нее голову: вытирал платком лоб, крестился, молитвенно складывал ладони. Зал напряженно следил за усатым, Ластик же следил за залом – не покажется ли где красная рубашка.

Не так-то просто здесь было что-либо разглядеть. Народу битком, освещение в зале тусклое, и лишь сцена залита ярким светом.

Ударила нервная барабанная дробь. Ряды ахнули.

Оглянувшись, Ластик увидел, что дрессировщик влез в львиную пасть по самые плечи и для пущего драматизма дрыгает ногой, как бы от ужаса. Лев тоскливо смотрел в потолок и помаргивал.

Ударил туш. Грянули аплодисменты. Ластик, мелко переступая, двинулся вкруговую. Где-то здесь он, гад. Некуда ему было отсюда деться.

На арену вышел статный мужчина в красном фраке. Взмахнул рукой – и оркестр умолк, рукоплесканья стихли.

– Любимцы публики, непревзойденные клоуны Тим и Том!

Уже ползала обошел Ластик, а кудлатой головы все не было. Может, на пол сполз, затаился?

– Здравствуй, Тим! – донесся с арены ненатурально писклявый голос.

Это говорил маленький клоун с рыжими, торчащими во все стороны волосами. Его намалеванный алой краской рот улыбался до самых ушей.

– Здравствуй, Том, – откликнулся второй, неимоверно длинный и костлявый. Рот у него был такой же огромный, только углы загнуты книзу. – У-у-у!

Из глаз худого брызнули две струйки. Публика так и покатилась со смеху.

– Что ты плачешь? – спросил веселый Том.

– У меня померла теща. У-у-у!

Снова взрыв смеха.

– Ай-я-яй. Но ведь она была богата. Должно быть, оставила тебя с наследством.

– Да-а-а, – кивнул Тим и заревел еще горше.

Зал слегка притих, только один кто-то громко гыгыкнул, предвкушая шутку.

– С большим? – допытывался Том.

– С о-очень большим. Вот с таким.

Тим взял себя за красный картонный нос и оттянул его на добрых полметра.

Оглушительный хохот в зале.

Кто-то втолковывал тупому соседу, заикаясь от смеха:

– Это т-теща его с носом оставила, понял?

Ну и юмор, покачал головой Ластик. У нас по телевизору и то смешней.

И не стал дальше слушать, хотя клоуны продолжали нести какую-то белиберду и публика радостно смеялась.

Чем дольше затягивались поиски, тем муторней делалось на душе. Как показаться на глаза профессору? Ведь если вернуться без унибука, пиши пропало. Он навсегда сгинет в Несбывшемся, как бейсболка.

Снова ударили барабаны, грянул оркестр, и крикун в красном фраке объявил такое, что Ластик обмер:

– Великий маг и чародей! Любимый ученик всемирно известного искейписта Гарри Гудини! Синьор Дьяболо Дьяболини! Ассистирует итальянский мальчик Пьетро! Па-а-прашу аплодисменты!

Зрители громко захлопали, а Ластик был вынужден схватиться обеими руками за спинку кресла – так задрожали колени.

Неспешной пружинистой походкой на арену вышел высокий мужчина с матово-белым лицом, с которым эффектно контрастировали подкрученные черные усы и остроконечная бородка. Великий маг и чародей был сплошь в черном: трико, цилиндр, перчатки, широкий плащ до земли. Но вот Дьяболо Дьяболини элегантно взмахнул рукой, приветствуя публику, плащ распахнулся, и стало видно, что изнутри он ярко-алый.

Тот самый! Ластик не мог опомниться. Тот самый итальянец, что похитил Райское Яблоко!

Но главное потрясение было еще впереди.

Взгляд Ластика наконец упал на мальчика-ассистента, скромно державшегося подле самых кулис.

Несмотря на черный с блестками костюмчик, несмотря на берет с пером, ошибиться было невозможно. Эти пронырливые глаза, эта смуглая физиономия!

«Итальянским мальчиком Пьетро» оказался подлый ворюга и вероломный обманщик по кличке Петух.

В огне не горит и в воде не тонет

– Папенька, а что такое «скипист»? – спросил детский голос, и Ластик навострил уши – ему тоже хотелось это знать. (Эх, был бы унибук!)

– Не «скипист», а «искейпист», – ответил папенька. – Это такой фокусник, который умеет исчезать из запертого ящика, или его всего закуют в цепи, а он раз – и освободился. Тсс, не мешай слушать шпрехшталмейстера.

А распорядитель в красном фраке (вот как, оказывается, он назывался) тем временем продолжал превозносить невероятные способности иллюзиониста:

– Такой человек рождается раз в сто лет! Некоторые газеты даже пишут, что маэстро, может быть, вовсе и не человек, – здесь шпрехшталмейстер понизил голос, а оркестр тихонько заиграл арию «Сатана там правит бал». – Несомненно одно: синьор Дьяболини в воде не тонет и в огне не горит! Сейчас вы сами в этом убедитесь! Прего, маэстро!

Поклонившись, он попятился за кулисы. Свет прожекторов потускнел, музыка стихла.

Горит маэстро в огне или не горит, но унибук нужно было вернуть, а для этого следовало держаться поближе к «итальянскому мальчику». Ластик пробрался к оркестру и спустился вниз, к самому барьеру. Отсюда до кулис было рукой подать. Вот закончится выступление, и он поймает Петуха, когда тот будет уходить с арены.

Дьяболо Дьяболини оглянулся на ассистента и громовым голосом крикнул:

– Аллегро! Темпо, темпо, шорт дери! Публика ждать нельзя!

Липовый Пьетро кинулся к своему шефу, но споткнулся и растянулся во весь рост.

– Ассасино! – взревел Дьяболини. – Ступидо! Идиото! Я тебя уничтожать! Сжигать!

Петух, то есть Пьетро, вскочил на ноги и весь съежился от ужаса.

– Пер фаворе, синьор! — жалобно пискнул он.

Но кудесник махнул рукой, с пальцев посыпались искры, а у Пьетро под ногами полыхнула ослепительная вспышка, повалил дым. Ластик поневоле зажмурился – как и все в зале.

Открыл глаза – пусто. Ассистент исчез.

Ах! – пронеслось по цирку. Ластик же только усмехнулся. Этот нехитрый фокус ему сегодня уже демонстрировали. Ничего особенного: ослепление вспышкой

плюс резвость ног. Он не мог бы поручиться на все сто процентов, но, кажется, в ту секунду, когда его глаза были закрыты, по проходу мимо что-то прошелестело, и колыхнулся воздух.

– Серениссима публика! – взмахнул своим черно-красным плащом итальянец. – Я буду вам монтраре – э-э-э… показывать – эксперименто молто периколозо! Оччень опасно! Сеньори и бамбини прего не смотреть!

– Что с мальчиком? – крикнул из зала женский голос. – С ним все в порядке?

– Да, что с Пьетро? – зашумели и другие. – Он жив?

Детский сад, ей-богу, покачал головой Ластик.

– Если публика хотеть – мальчик жив, – милостиво объявил Дьяболини. – Пьетро! Риторно! Назад! Где он, инферно фуриозо? Публика не будет андаре! О, пикколо бандито, сейчас ты будешь тут! Эй! Коробка!

Ливрейный служитель внес на арену картонный ящик: огромный, метра полтора шириной и столько же в высоту, но, видно, совсем легкий – человек без труда удерживал его на голове. Крышка у ящика отсутствовала, и было видно, что внутри он пуст. Сомнений в этом и вовсе не осталось, когда служитель бросил свою ношу на пол – коробка подпрыгнула.

Маэстро вытащил ее на середину. Начал делать пассы руками:

– Крамба-румба-штрек! Уно, дуэ, тре!

Ударила барабанная дробь, все прожекторы и лампы погасли, и воцарилась темнота, но не более чем на одну-две секунды.

Потом свет вспыхнул снова, и из коробки, как ни в чем не бывало, поднялся Пьетро.

Зал взвыл. Да и Ластик, признаться, был впечатлен.

Откуда в ящике мог взяться мальчик? Ластик специально прислушивался, ожидая новой нехитрой уловки, но на сей раз ничего не услышал. Да и не успел бы Петух за две секунды добежать до середины арены.

А из оркестра высунулся шпрехшталмейстер:

– Прошу, маэстро! Покажите публике, что вы не тонете в воде!

Двое силачей в полосатых майках, обнажавших раздутые мускулы, выкатили низенькую тележку, на которой был установлен большой аквариум. В нем плескалась голубоватая вода и даже плавали рыбки.

Дьяболини скинул на руки ассистенту плащ, отдал цилиндр. Остался в обтягивающем черном трико. Надел маску-капюшон с прорезями для глаз, тоже черную.

Ловко поднялся по лесенке, уселся на дно, целиком оказавшись под водой. Аквариум переполнился, по стенкам потекли струи.

Некоторое время фокусник ворочался, устраиваясь поудобнее. Потом застыл неподвижно.

Вода успокоилась, рябь на ней исчезла.

– Минута! – объявил сверху распорядитель. В руках он держал огромные песочные часы с делениями. – Полторы… Две!

Время шло.

Сначала зал сидел тихо. Потом зашушукался.

– Три! – выкрикнул шпрехшталмейстер. Маэстро быстрым движением поймал золотую рыбку, выкинул ее наружу. Она затрепыхалась на песке, раздувая жабры. Пьетро подобрал бедняжку, опустил в банку с водой.

– Господа, у Дьяболини у самого жабры! – доказывал кто-то. – Я читал!

– Четыре минуты! Пошла пятая!

Барабаны тихонечко зарокотали, постепенно убыстряя темп.

Какая-то сердобольная женщина не выдержала:

– Мамочки, да выпустите его!

– Довольно или еще? – перегнулся через барьер шпрехшталмейстер.

– Еще! – кричали одни голоса, в основном мужские.

– Хватит, ну пожалуйста, хватит! – взывали другие, по преимуществу женские.

– Пять минут! – показал часы распорядитель. – Достаточно, маэстро!

Под рев и аплодисменты Дьяболини вылез из аквариума.

К нему бросился ассистент с большим полотенцем, начало было вытирать – и вдруг попятился.

– Но! Но! Импоссибиле! – и тряс полотенцем. – Сухо! Совсем-совсем сухо!

Подбежал к первому ряду, показал. Полотенце стали щупать.

– Маэстро не только не тонет, но и выходит сухим из воды! – перекрыл галдеж мощный бас ведущего. – Однако и этого мало! Синьор Дьяболини не горит в огне и воспаряет над ним, как птица феникс! Прошу призму!

Те же силачи укатили аквариум и привезли на тележке большущий стеклянный куб с закопченными стенками.

Ластик был до того увлечен представлением, что на время даже забыл о своем несчастье. Ну-ка, что Дьяболини выкинет на этот раз?

Фокусник поднялся по лесенке на бортик и грациозно спрыгнул в самую середину куба. Униформисты бегом несли из-за кулис ведра, стали заливать какую-то желтую жидкость, так что она поднялась итальянцу до колен.

– Это топливо, господа! Высочайшей горючести! – объяснял шпрехшталмейстер. – Имеются ли в зале господа механики или шофэры?

– Я! – поднялся в третьем ряду какой-то мужчина в военной форме.

– Не угодно ли удостоверить? Ведро господину офицеру!

Военному поднесли одно из ведер. Он провел пальцем по дну, понюхал.

– Бензин, вне всякого сомнения.

По краям арены встали пожарные в блестящих касках, приготовили брезентовые шланги.

– Фуоко! – приказал маэстро. – Жги!

Ассистент бросил в куб горящую спичку.

Вверх взметнулось жадное, веселое пламя.

Языки заплясали вокруг мага, который стоял совершенно неподвижно.

Что началось в зале – не описать. Кто кричал, кто визжал, некоторые особо чувствительные закрыли ладонями лицо, и все или почти все вскочили на ноги!

Ластик и сам не верил своим глазам.

– Улетает! Глядите, улетает! – восторженно завопил цирк.

Из пламени выплыла стройная черная фигура с вытянутыми кверху руками и медленно вознеслась вверх, растаяв в темноте под куполом.

Публика ревела, размахивала руками, пронзительно визжали женщины, но Ластик уже опомнился.

Фокусы фокусами, а у него было дело поважнее.

Он не упустил момента, когда мимо, посекундно оглядываясь и кланяясь, просеменил «итальянский мальчик Пьетро».

Несколько шагов, и Ластик оказался за бархатной шторой, куда скрылся его обидчик.

Ангажемент

Там было сумрачно и грязновато, совсем не так, как на арене. В нос ударил острый звериный запах, тесный коридор был сплошь заставлен реквизитом.

Петух-Пьетро, насвистывая, повернул направо, еще раз направо и нырнул в какую-то щель, отделенную серой холщовой занавеской. Отодвинув краешек, Ластик заглянул внутрь.

Это была крошечная каморка, всю стену которой занимало зеркало. Сверху горела единственная голая лампочка. Слава богу, ассистент был один, без устрашающего синьора Дьяболини. Продолжая насвистывать какую-то развеселую мелодию, Петух снял облегающую курточку, начал стягивать тугие рейтузы. Дело, видно, было нелегкое – ассистент закряхтел, согнулся пополам. Когда штанины спустились до половины, Ластик решил, что пора: со стянутыми коленками не убежишь.

– Попался, гад! – закричал реалист, врываясь в каморку. – Где мой учебник?

И толкнул вора так, что тот плюхнулся на пол. Впрочем, большой силы для этого не потребовалось – Петух балансировал на одной ноге.

Усевшись на грудь побежденному врагу, Ластик снова потребовал:

– Давай книгу! Куда ты ее дел?

– Ты чего? – скорчил плаксивую рожу Петух. – Ты вообще кто? Какая книжка? Знать не знаю! Вот я Трофимыча кликну, он тебе наваляет!

Однако непохоже было, что «итальянский мальчик» кого-то кликнет, иначе вряд ли он стал бы говорить шепотом.

– Зови! – громко предложил Ластик. – Я расскажу, как ты меня обокрал.

Петух рванулся, скинул реалиста, но сам встать не сумел – помешали полуснятые рейтузы. Он судорожно выдернул одну ногу, вторую.

– Все равно не уйдешь, ворюга! Отдай учебник! – снова налетел Ластик и схватил циркача за горло.

Неизвестно, чем закончилась бы схватка. Очень вероятно, отнюдь не победой справедливости – слишком уж вертляв и коварен был враг. Но в это время сзади раздался глубокий, спокойный голос, от которого оба противника окаменели.

– Это еще что тут за Куликовская битва? Почему вы вцепились в моего ассистента, господин реалист? И почему вы назвали его «ворюгой»? Или мне послышалось?

Дьяболо Дьяболини, собственной персоной! Судя по чистоте русской речи, он был такой же итальянец, как его помощник.

Вблизи маг и кудесник показался Ластику еще страшней, чем издали. То есть, ничего отвратительного в его внешности не было – высокий, стройный, даже можно сказать, писаный красавец. Но изогнутые уголком черные брови, хищный рисунок ноздрей и особенно сочные, яркие губы делали искейписта похожим на киношного графа Дракулу, и Ластик почувствовал, что весь дрожит.

– Ну, что же вы молчите? – Маэстро почесал кончик носа длинным, неестественно блестящим ногтем. – А ты молчи, не тебя спрашивают! – прикрикнул он на открывшего было рот Петуха.

– Он украл мой учебник… По геометрии, – кое-как выдавил из себя Ластик. – Пускай отдает.

– Брешет он! – немедленно затараторил Петух. – Чтоб у меня зенки полопались, врет! Чокнутый он! Какая-такая геометрия? На что она мне?

Какое у мага белое лицо! А какие черные, пронизывающие глаза! Как мягко, по-кошачьи он двигается! От такого человека можно ожидать чего угодно.

Но ничего плохого маэстро Ластику не сделал. Наоборот, схватил Петуха за плечи и тряхнул так, что тот сразу заткнулся.

– Опять? – тихо-тихо спросил Дьяболини. – Я ведь предупреждал.

По щекам Петуха хлынули слезы – похоже, этот паразит мог их лить когда угодно и в любом количестве.

– Не верите? Валяйте, обыскивайте сироту. Креста на вас нет.

– Креста на мне точно нет, – прищурился маг. – Хм… Проглотить книгу ты не мог. Куда же ты ее спрятал?

– Может, вон там? – немного осмелевший Ластик показал на убогую фанерную этажерку, заваленную всяким хламом. Собственно, никакой другой мебели в конурке не имелось.

– Ищи, – всхлипнул Петух. – Шпарь.

Ластик принялся шарить по полкам. Там лежали свернутые цирковые костюмы, какие-то блестящие шары, мотки веревки, куски мела и еще много всякой всячины, но унибука не было. На нижней полке стояла большая лаковая коробка. Ластик думал – там, но коробка оказалась совершенно пустой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/boris-akunin/detskaya-kniga

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить